

100

ВЕЛИКИХ АВАНТЮРИСТОВ

100 великих (Вече)

100 великих авантюристов

«ВЕЧЕ»

2007

ББК 63.3(0)

100 великих авантюристов / «ВЕЧЕ», 2007 — (100 великих
(Вече))

ISBN 978-5-9533-2539-4

Книга серии «100 великих» посвящена авантюристам. Одни из них испытывали судьбу, становясь пиратами, другие появлялись под чужими именами. Одни строили финансовые пирамиды и плели политические интриги, другие создавали новые религии, подделывали произведения искусства, шпионили... Но, так или иначе, все они пытались влиять на ход мировой истории. Представим самых известных – граф Калиостро, Емельян Пугачев, маркиз де Сад, Ванька Каин, Наполеон Бонапарт, Григорий Распутин, Сонька Золотая Ручка, Мата Хари...

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-9533-2539-4

, 2007

© ВЕЧЕ, 2007

Содержание

Введение	6
Гаумата (Лжебардий)	8
Балтазар Косса	12
Перкин (Питер) Уорбек	20
Эрнан Кортес	27
Франсиско Писарро	35
Диего де Альмагро	42
Арудж Барбаросса	47
Хайрадин Барбаросса	50
Грейс О'Мейл	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Игорь Анатольевич Муромов

100 великих авантюристов

© Муромов И.А., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

Введение

Авантюрист – искатель приключений, беспринципный делец, проходимец.
Словарь иностранных слов

Французская исследовательница Сюзанна Рот выделила основные качества, характеризующие «образцового» искателя приключений: непредсказуемость, импульсивность, сосредоточенность на сегодняшнем дне, вера в удачу, доходящая до суеверия, богатая фантазия, прожектерство, смелость, решительность, даже жестокость, эгоцентричность и общительность, любовь к внешним эффектам, обманам, мифотворчеству, к игре, умению плести интриги.

Золотым веком для авантюристов был XVIII, когда они вращали рулетку мировой истории. Джон Лоу, не известно откуда явившийся шотландец, своими ассигнациями разрушил банковскую систему Франции. Шевалье Д'Эон, переодевшись в женское платье, руководил международной политикой. Маленький круглоголовый барон Нейгоф стал первым королем Корсики. Калиостро, деревенский парень из Сицилии, видел Париж у своих ног, хотя долго не мог научиться грамоте. Сен-Жермен, маг без возраста, пользовался неограниченным влиянием у короля Франции. Пугачев под именем Петра III поднял народный бунт и заставил трепетать Екатерину II. А еще были Беньковский, княжна Тараканова, Ванька Каин, Тренк, Бонневаль, Кингстон, Занович...

Авантюристы...

Они любят рисковать и умеют подчинять себе окружающих. Это умение и настойчивость нередко приводят таких людей к победе.

Они могут появляться под чужими именами. Самозванчество никак нельзя назвать чисто русским феноменом, однако ни в одной другой стране это явление не было столь частым и не играло столь значительной роли во взаимоотношениях общества и государства. В XVII столетии на территории Российского государства действовало около 20 самозванцев, век же восемнадцатый знает примерно 40 случаев самозванства. Причем они часто так «врастали» в свою роль, что в самом деле начинали отождествлять себя с тем, за кого себя выдавали. Так, Пугачев плакал, когда разглядывал привезенный портрет царя Павла, чьим сыном себя считал.

Они выходят в море, чтобы испытать судьбу. Пираты и их сокровища породили целое направление в приключенческой литературе. Впрочем, приключения, выпавшие на долю морских разбойников, существовавших в действительности, нередко превосходят любой авантурный сюжет.

Они строят финансовые «пирамиды», плетут политические интриги, создают свои религии, шпионят, подделывают произведения искусства, продают статую Свободы и Эйфелеву башню...

Стефан Цвейг писал об авантюристах: «Они носят фантастические формы какой-нибудь индостанской или монгольской армии и обладают помпезными именами, которые в действительности являются поддельными драгоценностями, как и пряжки на их сапогах. Они говорят на всех языках, утверждают, что знакомы со всеми князьями и великими людьми, уверяют, что служили во всех армиях и учились во всех университетах. Их карманы набиты проектами, на языке – смелые обещания, они придумывают лотереи и особые налоги, союзы государств и фабрики, они предлагают женщин, ордена и кастратов; и хотя у них в кармане нет и десяти золотых, они шепчут каждому, что знают секрет *tincturae aurī* (приготовления золота). При жадном дворе они показывают новые фокусы, здесь таинственно маскируются масонами и розенкрейцерами, там у каждого князя представляются знатоками химической кухни и трудов Теофраста. У сладострастного повелителя они готовы быть энергичными ростовщиками и фальшиво-

монетчиками, сводниками и сватами с богатыми связями, у воинственного князя – шпионами, у покровителя искусства и наук – философами и рифмоплетами. Суеверных они подкупают составлением гороскопов, доверчивых – проектами, игроков – краплеными картами, наивных – светской элегантностью – и все это под шуршащими складками, непроницаемым покровом необычайности и тайны – неразгаданной и благодаря этому вдвойне интересной...»

Именно этим людям посвящена настоящая книга.

Гаумата (Лжебардий) (? – 521 до н. э.)

Мидийский маг (жрец). Выдал себя за тайно убитого Камбисом младшего сына Кира – Бардию (522 год до н. э.). Свергнут и убит заговорщиками во главе с Дарием I.

Персидский царь Камбис, сын царя царей Кира, имел характер гневливый и мстительный. Считая своего брата Бардию соперником, он приказал тайно умертвить его. Когда же это было сделано, щедро наградил убийц и на радостях устроил в своем дворце пир. Музыканты играли, певцы пели, поэты читали свои стихи – все славили мудрого и милостивого владыку.

Прошли дни. Камбис и думать забыл об убитом брате. Он царствовал, творил суд и расправу, принимал послов и вел войны. Когда Камбис завоевал Египет, его бессмысленная, тупая жестокость не знала предела. Он разрушал храмы египтян, убивал их священных животных. Как гласит одна египетская надпись тех лет, «величайший ужас охватил всю страну, подобного которому нет». Но боги, казалось, только ждали момента, чтобы покарать святотатца. И вот момент этот пришел.

Убитый Бардия восстал из мертвых.

В то время в столице Персии жили два брата, владевшие тайнами магии. Одного из них Камбис на время своего отсутствия назначил управляющим царским двором. Его брат, маг Гаумата, внешне очень походил на убитого царевича.

Управляющий решил воспользоваться этим сходством. Он уговорил брата занять царский престол под именем Бардии и взять власть в свои руки. После этого во все стороны были разосланы вестники с призывом к подданным признать царем Бардию.

Камбис находился в Египте с войсками, когда из Персии прибыл гонец и объявил всем, что отныне все должны подчиняться не Камбису, сыну Кира, а Бардии, сыну Кира.

Камбис не поверил своим ушам. В смятении и страхе он вызвал Прексаспа, которому в свое время было приказано убить Бардию. «Так-то ты выполнил мой приказ!»

Убийца, распростертый у входа в шатер, поднял голову.

«Это весть ложная, о царь! Я сам исполнил твой приказ и похоронил Бардию».

Камбис нахмурился. Только он и убийца доподлинно знали, что Бардия убит, что человек, захвативший власть в Персии, – самозванец.

Через несколько дней Камбис, собираясь в поход против того, кто назвался его братом, случайно поранил себе мечом ногу. Вскоре он умер.

Так человек, принявший имя убитого Бардии, стал полновластным царем страны. Одна за другой все области обширной державы объявили о своей покорности. Армия стала под его знамена. Потому что не было в стране другого человека, который был бы сыном царя царей и в силу этого владыкой над всеми персами.

Все славили нового царя, который на три года освободил своих подданных от налогов и от тягот военной службы. Только среди знати росли глухое недоумение и недовольство. Почему новый царь не выходит из дворца? Почему он не принимает никого из знатных людей? А что, если этот человек – не Бардия?

У одного из придворных зародилось подозрение, что власть в царстве захватил маг Гаумата. Но мысль эта была слишком страшной, чтобы решиться ее высказать вслух. Дочь этого придворного находилась в гареме царя. Через евнуха он послал ей записку.

«Федима, дочь моя, – писал он, – правда ли, что человек, который теперь твой муж, сын Кира?»

«Не знаю, – отвечала дочь, – мы в гареме не знаем чужих мужчин, и раньше Бардии я никогда не видала».

Но у мага Гауматы был один признак, по которому его нетрудно было опознать. В свое время Кир за какую-то провинность отрезал ему уши.

«Когда он уснет, – снова писал придворный своей дочери, – ощупай его уши. Если он окажется с ушами, то знай, что супругом имеешь сына Кира. Если без ушей, то ты живешь с магом». Федима долго боялась сделать это. Если человек этот действительно окажется без ушей и поймет, что тайна его раскрыта, он, несомненно, убьет ее. Наконец, когда настала ее очередь идти к мужу, Федима решилась.

Утром придворному стало известно, что под личиной царя скрывался человек без ушей. Это был маг Гаумата.

Придворный решился открыть тайну своим друзьям. На следующий день в его доме собрались шестеро самых близких. Прежде чем открыть им то, что стало ему известно, придворный потребовал, чтобы они дали клятву сохранить все в тайне. Они поклялись богами в верности друг другу. Узнав же страшную новость, растерялись. «Лучше бы я не приходил сюда и не знал ничего!» – подумал каждый.

Выступить сейчас против мага было невозможно. У них не было ни солдат, ни верных людей. Отложить расправу, пока удастся собраться с силами, тоже было нельзя. Если маг узнает о заговоре, их ждет страшная смерть. Но не всех. Одного из них, кто донесет, маг пощадит. Вот почему каждый, для того чтобы его не опередил другой, прямо из этого дома наверняка поспешил бы во дворец. Об этом думали все, но никто не решался сказать вслух. Пока не заговорил сын царского наместника Дарий, бывший среди них.

«Мы должны действовать сегодня же, – сказал он, – если сегодняшний день будет упущен, я сам донесу обо всем магу!»

Между тем маги тоже не теряли времени даром. Они догадывались, что их тайну могут раскрыть и над ними нависнет опасность. Поразмыслив, братья пришли к выводу, что им надо сделать Прекаспа своим другом и союзником. Он столько натерпелся от Камбиса! Даже сына его не пощадил жестокий царь, убил выстрелом из лука. Маги знали, каким большим уважением пользуется Прекасп у персов, знали и то, что только он знает правду о судьбе сына Кира, брата Камбиса.

Они пригласили Прекаспа на тайную беседу, во время которой наобещали ему золотые горы, если он будет заодно с ними. Прекасп поклялся, что не проговорится персам о том, кто на самом деле восседает на троне, и будет выполнять все их задания. Маги тут же дали ему первое поручение: «Завтра мы соберем персов на площади перед царским дворцом. Ты поднимешься на башню и обратишься к собравшимся со словами, что персами правит Бардия, сын Кира, и никто другой. Призовешь их не верить никаким слухам на этот счет».

Прекасп поднялся на башню. Взоры тысяч людей устремились на него. Маги тоже не спускали с него глаз. Прекасп повел речь о предках Кира, потом о самом Кире и о том, как

много хорошего тот сделал для персов. Маги с нетерпением ждали, когда же наконец он произнесет слова, которые развеют подозрения.

Но Прексасп вдруг неожиданно громко объявил, что Бардии, сына Кира, нет в живых, а сейчас правят маги. «Плохо придется вам, персы, если вы не избавитесь от них и не расправитесь с ними», – закончил он речь и тут же бросился головой вниз.

А в это время к дворцу уже двигались заговорщики во главе с Дарием. Когда они узнали о речи Прексаспа и его гибели, стали советовать, стоит ли нападать на магов при таком стечении народа. И решили, что нельзя упускать удобную возможность.

Они были из знатных фамилий, и стража не посмела чинить им препятствий. Заговорщики бросились во внутренние покои. Братья-маги находились там и обсуждали, что им следует делать. Услышав за дверями крики и звон оружия, они сразу догадались, что случилось. Один из братьев взял в руки лук, другой схватил копье. Они вступили в схватку. Одному из персов маг угодил копьем в глаз, другому нанес удар в бок. Но лук для ближнего боя не годился, и потому схвативший его маг выбежал в соседнюю комнату, захлопнув за собой дверь. Дарий с одним из друзей пустились вдогонку. Они настигли мага, и началась схватка.

В темноте перс и маг упали на пол, тщетно пытаясь одолеть друг друга. Дарий в нерешительности стоял над ними с занесенным мечом, не зная, что делать.

«Бей мечом!» – крикнул заговорщик, который боролся с магом.

«Я могу убить тебя!»

«Убей хоть нас обоих, но маг должен погибнуть!» Дарий взмахнул мечом и убил мага.

Так повествует об этой странной истории Геродот. Царем Персии стал Дарий. И сегодня на огромной скале по дороге между Тегераном и Багдадом можно видеть высеченный на камне рассказ об этом событии. Надпись эта была сделана по приказу Дария. «Дарий убил мага и стал царем», – гласит заключительная фраза текста. Рассказ Геродота – одно из самых первых упоминаний о самозванцах.

Дарий начертал на Бегистунской скале историю своего царствования, начиная с этого подвига. Надпись сопровождается барельефом, представляющим царя и девять связанных самозванцев, из которых он одного попирает ногами (это – Лжебардия, о чем свидетельствует особая краткая запись).

Балтазар Косса (? – 1419)

Граф Беланте, владетель Искьи и Процинты, римский папа Иоанн XIII (1410–1415). Один из наиболее развращенных пап эпохи упадка. Известен своими многочисленными любовными приключениями. Юношей занимался пиратством, затем изучал право в Болонье. Студентом был приговорен инквизицией к сожжению на костре. После побега из тюрьмы снова разбойничал, был схвачен. Урбан VI назначил его командующим папских войск. Приняв духовный сан, занимал высшие должности при курии Бенедикта IX. Во время великого раскола стал папой. Собор в Констанце (1415) потребовал его отречения. Бежал, но был арестован. Позже Мартин V назначил его епископом Тускуланским и деканом коллегии кардиналов.

До появления на свет Балтазара его род насчитывал сорок поколений. Коссы сначала были римскими патрициями, а затем – графами Беланте, владельцами обширных земель на берегу Неаполитанского залива. Но к XIV веку род обеднел, а от прежних владений остался лишь остров Искья с несколькими деревнями. Доход от них позволял графам Беланте едва сводить концы с концами. Тогда старший брат Балтазара Гаспар стал пиратом и сумел прославиться своими многочисленными набегами.

Гаспар долго не соглашался брать с собой 13-летнего брата. Увидев же его в деле, понял, что тот сможет постоять за себя. Младшему Коссе нравилось его новое занятие, которое позволяло всего лишь за несколько часов стать обладателем больших денег.

Но больше товаров и ценностей Балтазара привлекали хорошенькие девушки, которых брали в качестве пленниц на захваченных кораблях или в разграбленных поселениях. Бесправные, как и все пленные, они ничем не могли защитить себя, и Косса брал любую, чтобы на следующий день заменить ее новой, а на третий отдать обеих друзьям, поскольку самого его уже захватила очередная страсть.

Косса до самой смерти питал слабость к женщинам, разделяя ложе с неисчислимым количеством любовниц, среди которых были как малолетние девочки, так и зрелые матроны. Впоследствии, когда его судил католический собор в Констанце, этот факт стал одним из главных пунктов обвинения.

Пиратская жизнь продолжалась семь лет. Балтазар не помышлял расставаться с ней, пока в дело не вмешалась мать – по ее совету юноша поступил в Болонский университет, теологи которого славились на всю Италию.

Способности Коссы скоро заметили все: и преподаватели, и студенты. Он считался первым учеником на факультете, был непревзойденным фехтовальщиком и любимцем женщин. Студенты признали Балтазара своим лидером. Он был зачинщиком всех университетских авантур и приключений, Балтазар обожал рискованные свидания с какой-нибудь болонской красоткой, жившей под пристальным присмотром родственников или мужа и оттого особо желанной. Для Балтазара было высшим наслаждением проникнуть через все замки и запоры и провести ночь с очередной любовницей.

Однажды, когда Балтазар возвращался со свидания, на него напал наемный убийца, и только ловкость спасла будущего теолога от смерти. Он отделался лишь ранением в руку. Налетчик, вероятно, думал, что достаточно напугал Балтазара и ноги его не будет в опасном районе, но бывший пират на следующую ночь вновь отправился на свидание. Он выяснил, что нападение организовала его бывшая любовница, которая таким образом решила ему отомстить.

Расправа с несчастной женщиной была жестокой. Мужа, кинувшегося защищать супругу, Балтазар убил у нее на глазах, а затем раздел бывшую любовницу донага, связал ее и концом стилета начертил у нее на груди кровавую звезду. Но уйти сразу не успел – на шум и крики сбежались слуги.

Спасаясь от погони, он забежал в чей-то сад и затаился там. Преследователи пробежали мимо, а Косса, уже собравшийся покинуть свое убежище, вдруг заметил в глубине сада дом. Балтазар отворил дверь и увидел молодую женщину необычайной красоты. Заметив раненого незнакомца, она не растерялась, позвала служанку и велела ей промыть и перевязать незнакомцу рану. После чего скрылась в доме.

Женщина эта была уроженка Вероны Яндра делла Скала. Ее дед и отец занимали пост правителя этого города, но в 1381 году в семье случилась трагедия: отец Яндры был убит своим братом, который захватил власть в Вероне. Спасаясь от преследования, семнадцатилетняя Яндра бежала в Болонью, где и прожила четыре года. В год встречи (1385) Балтазара и Яндры ей шел двадцать второй. Яндра с ранних лет интересовалась магией и чародейством, алхимией и астрологией и умела предсказывать будущее. В те времена такие занятия считались еретическими и жестоко преследовались инквизицией. Яндра рисковала, но ее взял под тайную защиту кардинал ди Санто Кьяре, влюбившийся в нее и поселивший девушку в своем доме.

Вскоре Косса снова навестил Яндру. Но побеседовать они не успели – в дом ворвались люди инквизиции. Арестованных допрашивал сам великий инквизитор Италии Доменико Бранталино. Яндру обвинили в том, что она отреклась от Спасителя и поклоняется дьяволу, приносит в жертву сатане новорожденных детей; что впала в грех кровосмесительства и спала с сатаной, варила и ела человеческие органы.

Потом допрашивали Коссу. Его обвинили в убийстве двух агентов инквизиции во время ареста Яндры, а также в том, что он является ее любовником.

Их ждал костер.

Бывшей любовнице Коссы Име Давероне удалось добиться свидания с ним. Она успокоила Балтазара сообщением, что казнь состоится не раньше чем через три месяца. Это приободрило Балтазара. Не прошло и месяца со дня ареста, как он оказался на свободе, совершив побег с присущей ему дерзостью. Косса убил стражника и в его одежде вышел из тюрьмы, после чего затерялся на улицах Болоньи.

Балтазар встретился с Гаспаром, и они разработали план по спасению Яндры, предусматривавший штурм тюрьмы. Под началом Гаспара насчитывалось сто двадцать пиратов, которые могли захватить не только тюрьму – весь город. Кроме того, пиратам вызвался помочь кондотьер Альберинго Джуссиано. За две тысячи эскудо он давал в подмогу сто своих наемников. Братья стали ждать подходящего момента для нападения.

Он случился в феврале 1385 года. У стен тюрьмы и внутри ее разыгралось настоящее сражение. Балтазар был в очередной раз ранен. Вскочив на лошадей, Косса и Яндра, сопровождаемые друзьями, вырвались из Болоньи.

Балтазар вновь занялся пиратством. Отклонив предложение Гаспара стать его помощником, Косса взял три лодки, которые должны были составить основу будущей эскадры. Затем с несколькими друзьями обошел прибрежные таверны, где набрал экипаж.

Его пиратская карьера продлилась четыре года. Сначала, поскольку в распоряжении Балтазара были только лодки, грабили неподалеку от берега и на самом берегу, но затем пиратам удалось захватить корабль, а вскоре их стало несколько, и флотилия Коссы расширила район действий от северного берега Средиземного моря до южного. В зоне пиратских интересов оказались Тунис, Алжир и Марокко, прибрежные области Испании, Сицилия, Сардиния и Корсика. Грабили как мусульман, так и братьев по вере, христиан. Богатую добычу свозили в родной дом Коссы на острове Искья. Вскоре он оказался переполнен всевозможными товарами, а главное – рабами, торговля которыми приносила огромные деньги.

У пиратов были свои представления о чести. Особенно ревнивы они были в вопросах веры. Поэтому поступок, совершенный Балтазаром на острове Лампедуза, вызвал резкое осуждение в пиратской среде.

Остров Лампедуза, расположенный южнее Сицилии, был в те времена своего рода нейтральной территорией для пиратов Средиземноморья. Мусульмане и последователи Христа в равной степени охотно высаживались на остров, отдыхали там и чинили свои корабли. Но главной его достопримечательностью была пещера, служившая приверженцам разных религий одновременно мечетью и церковью. На одной ее стене висело изображение Девы Марии, у противоположной стены находилась могила мусульманского святого. Христиане складывали свои дары у ног Девы, мусульмане – рядом с могилой святого. Все приношения считались неприкосновенными.

Балтазар Косса это «табу» нарушил. Когда он увидел дары, то приказал погрузить их на свои корабли. Пираты роптали, но авторитет Коссы был непререкаем, и товары перекочевали в корабельный трюм. Буквально на следующий день после инцидента в пещере корабли Коссы попали в жесточайший шторм. Погибло все: корабли, невольники в трюмах, товары. Вместе с Коссой в лодке спаслись только Яндра, Ринери Гуинджи и одноглазый гигант Гуиндаччо Буанакорса. Более суток их мотало по морю, пока не выбросило, полуживых, на берег. В лодке Балтазар и Гуиндаччо дали обет, что в случае спасения станут священнослужителями.

Не успели пираты прийти в себя, как были схвачены местными жителями, которых они недавно ограбили. Крестьяне узнали своих обидчиков и сначала избили, а потом отправили в ближайший город Ночеру, где пиратов заключили в крепость.

Косса был опознан как жестокий пират, на протяжении нескольких лет терроризировавший побережье Неаполитанского залива. Его ждало справедливое возмездие.

Но в Ночере Балтазар встретил человека, определившего его дальнейшую жизнь, ставшего, можно сказать, крестным отцом будущего хозяина Ватикана.

Этим человеком был папа Урбан VI.

Папа находился в затруднительном положении. Его теснили сторонники антипапы, а в окружении Урбана VI не было человека, которому можно было доверить командование войсками. И вдруг папа узнал, что в городской крепости содержится знаменитый пират Балтазар Косса! «Вот человек, который мне нужен», – решил Урбан VI и приказал доставить к нему Балтазара.

Урбан VI дал понять пленнику, что он и его друзья могут избежать петли, если окажут его святейшеству кое-какие услуги. Косса ответил папе, что занимался пиратством по неведению и, чтобы искупить причиненное им зло, готов стать священником или монахом – как будет угодно его святейшеству. Возглавив папские войска, Косса выступил против врагов папы и неожиданным ударом разгромил их, а затем гнал до самого побережья. В Ночеру Балтазар доставил трофеи – одиннадцать катапульта, захваченных у неприятеля.

Урбан VI дал Коссе новое поручение – заняться расследованием дел тех кардиналов, которые поддерживали Климента VII. Во время процесса Косса выполнял обязанности не только следователя, но и палача, собственноручно пытая престарелых епископов и кардиналов. В конце концов девять из них были задушены или зарезаны, а девять – зашты в мешки и утоплены. Причем Косса вел следствие, уже будучи посвященным в церковный сан.

Закончив первоочередные дела, Урбан VI поручил Коссе готовить войска для войны с французами и венграми, но она так и не началась: возвращаясь из города Лукка в Рим, папа умер.

Новый папа, Петр Томачелли, принявший имя Бонифация IX, был неаполитанцем и ровесником Балтазара, но... весьма недалеким, к тому же безграмотным. По мнению секретаря Ватикана Дитриха фон Ниму, Бонифаций IX не мог ничего решить самостоятельно и всеми делами фактически заправлял Косса. Он составлял папские буллы и энциклики, писал тексты анафем, которые папа направлял своим врагам, устанавливал цены за должности, объявлял аукционы по ним и придумывал другие способы пополнения папской казны. Балтазар стал незаменимым человеком при папском дворе, и он пользовался выгодами своего положения.

Он внимательно следил за изменениями в политической жизни. Когда один из противников Бонифация IX, Колонна, организовал против него заговор, Косса встал во главе папского войска. Заговорщики были разгромлены, главных зачинщиков повесили.

27 февраля 1402 года, отдавая должное заслугам Коссы, Бонифаций IX возвел его в сан кардинала. Коссе было всего тридцать семь лет, и он наслаждался жизнью, устраивая поистине царские пиры и развлечения. Вот что об этом писал Дитрих фон Ним: «Неслыханные, ни с чем не сравнимые “дела” творил Балтазар Косса во время своего пребывания в Риме. Здесь было все: разврат, кровосмешение, измены, насилия и другие гнусные виды греха, против которых обращен был когда-то гнев Божий».

В начале 1403 года Косса отправился по поручению Бонифация IX в Болонью. Там он попытался разыскать Иму Даверону, с которой не виделся восемнадцать лет. Но Имы в Болонье не оказалось. По словам ее бывшей служанки, она вышла замуж и переехала жить в Милан.

Из Болоньи Косса отправился в Феррару, где возглавил войско, которое вскоре заняло Болонью, Реджо и Парму – города, отошедшие от Папской области и управлявшиеся местными феодалами. В этой операции Балтазар проявил себя не только как способный военачальник, но и как прекрасный политик и превосходный дипломат, ловко использовавший интригу, обман и предательство. В результате 25 августа 1403 года Болонья, Перуджа и Ассизи – самые богатые приходы Папской области – оказались в подчинении папского легата кардинала Балтазара Коссы.

В ноябре 1406 года Балтазара известили о том, что в Риме скоропостижно скончался от апоплексического удара папа Иннокентий VII, преемник Бонифация IX, правивший всего два года.

Ходили слухи, что он отравлен Коссой и его единомышленниками. Со временем эти слухи подтвердились.

В ноябре 1406 года конклав избрал папой Анджело Коррарио, который принял имя Григория XII. Первым протокол об избрании папы подписал Балтазар Косса.

Григорий XII находился в зависимости от всесильного кардинала. Но постепенно он стал тяготиться опекой Коссы и, чтобы ослабить его влияние в среде высших священнослужителей, назначил новых кардиналов. Отношения между папой и первым кардиналом резко обострились. Григорий XII предал Балтазара Коссу анафеме и лишил звания и прав легата. Жители Болоньи и Романьи освобождались от клятвы верности Коссе.

В ответ на это Косса объявил себя абсолютным и независимым властелином областей, которыми он ранее управлял от имени папы. Кроме того, он приступил к объединению священнослужителей и правителей государств, недовольных правлением папы Григория XII.

15 июня 1409 года двадцать четыре кардинала, десять из которых были сторонниками папы Бенедикта XIII, правившего в Авиньоне, и четырнадцать – папы Григория XII, собрались в Пизе, чтобы низложить обоих пап и избрать одного. Косса проделал громадную подготовительную работу, большинство церковных сановников, присутствовавших на нем, высказались за то, чтобы верховным понтификом стал достойнейший из них – Балтазар Косса. Но он отказался от этой чести, мотивируя свой отказ тем, что есть более достойный кандидат на столь высокий пост – грек Петр Филарг, который был его ставленником.

Авторитет Коссы сделал свое дело, и 7 июля 1409 года Петр Филарг стал папой под именем Александра V. В эти же дни Косса встретил Иму. Узнав о соборе, она уговорила мужа приехать в Пизу и вот уже десять дней жила в городе, тайно приходя к дому, где поселился Косса, в надежде увидеть возлюбленного. Балтазар снял лучший дворец в городе, чтобы там встречаться с Имой.

Их идиллия продолжалась почти месяц, пока Яндра не выследила любовников. Нанятый ею убийца четыре раза ударил Иму стилетом. Негодяя схватили и заставили назвать имя заказчика убийства. Хотя раны Имы оказались не смертельными, Косса отравил Яндру...

По странному совпадению в один день с Яндрой, 3 мая 1410 года, умер и папа Александр V, и теперь уже никто не стоял на пути Коссы к престолу апостола Петра. Требовалось лишь собрать кардиналов, которые утвердили бы избрание Коссы.

Конклав кардиналов собрался в Пизе 17 мая 1410 года и состоял из семнадцати человек. Большинство из них были подкуплены Коссой, он обещал им, в случае если они поддержат его кандидатуру, привилегии и льготы.

Неожиданностей не случилось: бывший пират был избран папой. Возведение на престол должно было состояться 25 мая. Косса решил, что станет Иоанном XIII, поскольку симпатизировал Иоанну XII, занимавшему папский престол за сто лет до него.

Став папой, Косса прежде всего обеспокоился пополнением собственной казны, которую он изрядно поистратил на содержание своего предшественника Александра V, а также на подкуп кардиналов.

Косса установил специальные «тарифы», по которым покупались индульгенции по отпущению грехов. Так, если человек убил мать, отца или сестру, он мог искупить этот грех, купив индульгенцию стоимостью в один дукат. За убийство жены полагалось выплатить 2 дуката, жизнь простого священника стоила 4 дуката, жизнь епископа – 9, грех отравления – 1,5, прелюбодеяние – 8, а скотоложство – 12 дукатов.

И так далее. Список «тарифов» был поистине бесконечен, и состояние Иоанна XIII увеличивалось не по дням, а по часам.

Новому папе было уже сорок пять лет, он был обременен государственными делами, однако давняя страсть – любовь к женщинам – не ослабевала в нем. И в поисках все более и более сладострастных утех Иоанн XIII совершил очередное преступление перед людьми и Богом – сделал своей любовницей 14-летнюю внучку, до этого соблазнив свою сестру и мать.

Связь папы с внучкой Динорой продолжалась два года, а затем Иоанн XIII нашел своей любовнице новое применение. Поскольку он давно враждовал с неаполитанским королем Владиславом, то решил поправить положение с помощью Диноры, отправив ее неаполитанскому королю в качестве наложницы. Владиславу понравилась юная красавица, и когда он приблизил ее к себе, Иоанн XIII велел своему аптекарю приготовить любовное снадобье и отослать его Диноре. Снадобье, по словам папы, должно было еще крепче привязать друг к другу Владислава и Динору; на самом же деле оно было ядом, отведав которого, Динора и Владислав отошли в мир иной. Иоанн XIII избавился от политического противника, заплатив за смерть Диноры тысячу флоринов – именно столько запросил аптекарь за изготовление снадобья.

Но деяния такого рода никогда не отягощали сознания Балтазара Коссы. В это время к нему приехала Има. Она ушла от мужа, чтобы никогда больше не покидать любовника. Косса обрел полное спокойствие духа и занялся неотложными государственными делами.

16 ноября 1414 года в вольном имперском городе Констанце под председательством папы Иоанна XIII открылся церковный собор. На церемонию съехались сто пятьдесят делегатов со всей Европы.

Среди членов собора были распространены сведения о преступлениях Коссы. Узнав об этом, Иоанн XIII тайно отправил гонца к своему союзнику, герцогу Фридриху Австрийскому, с просьбой дать ему убежище в случае его бегства из Констанца.

Собор постановил, что отныне высшим церковным органом станет съезд церковных иерархов (то есть собор), которому будет подчиняться и папа. 20 марта 1415 года, почувствовав шаткость своего положения, Иоанн XIII, переодетый конюхом, направился в город Шафхаузен, резиденцию Фридриха Австрийского. Приехав туда и расположившись в неприступной городской крепости, он отправил письмо императору Сигизмунду, в котором сообщал о своем бегстве. Иоанн XIII рассчитывал на то, что это известие приведет к роспуску собора, поскольку на нем отсутствовал папа.

Собор не распустили, а к папе направили для переговоров послов, которые должны были убедить его вернуться в Констанц. А также напомнить о том, что еще совсем недавно папа обещал отречься от престола, если это будет выгодно церкви. В Констанце считали, что наступил именно такой момент.

Но Иоанн XIII потребовал за свое отречение высокую плату: сохранить за ним Болонью и прилегающие к ней земли, он должен остаться кардиналом с доходом в тридцать тысяч золотых дукатов в год, ему должны выдать индульгенцию с прощением всех его грехов – не только совершенных, но и тех, которые он может совершить в будущем.

Выслушав папу, послы тотчас отбыли в Констанц, где обо всем доложили императору Сигизмунду. Император, человек решительный, приказал немедленно готовиться к войне с Фридрихом Австрийским. Сигизмунда поддержали церковные иерархи, по настоянию которых собор предал Фридриха анафеме. А спустя некоторое время тридцать тысяч воинов Сигизмунда выступили в направлении Шафхаузена.

Иоанн XIII и Фридрих Австрийский бежали из города, а сам город сдался на милость имперских войск, которые стали разорять и грабить владения Фридриха. Тем временем в Констанце продолжались заседания собора, и два из них были посвящены допросам свидетелей по обвинению Коссы. Свидетели давали такие показания, что даже выдавшие виды следователи не решились внести их в обвинительный акт. Его тщательно отредактировали, и все равно он содержал 54 пункта.

Однако все эти обвинения предъявить было некому, поскольку Иоанн XIII все еще находился на свободе. Обладая колоссальным состоянием, он привлек на свою сторону некоторых крупных феодалов, в том числе правителей Бургундии и Лотарингии. Но силы все равно были неравны, и скоро союзники папы один за другим стали сдаваться Сигизмунду.

17 мая 1415 года Иоанн XIII был пленен во Фрибурге, куда он бежал из Шафхаузена. А тремя днями раньше на специальном заседании собора папа был лишен всех прав и передан в руки правосудия. 29 мая суд вынес окончательное решение по делу Иоанна XIII. В нем бывший папа назывался неисправимым грешником, безнравственным распутником, вором, убийцей, кровосмесителем, нарушителем мира и единства церкви.

Коссу сначала заключили в Готлебенскую крепость, находившуюся в швейцарском городе Тургау. Но новый папа, Мартин V, приказал перевести своего бывшего друга в еще более надежное узилище, в город Мангейм, где он должен был находиться под неусыпным наблюдением курфюрста пфальцского Людвига III, давнего врага Коссы.

Условия содержания в Мангейме были очень суровы. Если бы не Има, которая, подкупая тюремщиков, навещала Коссу, он вряд ли бы выдержал обрушившееся на него испытание.

Через несколько лет с помощью верной Имы Косса договорился с курфюрстом пфальцским, что тот выпустит его на свободу за 38 тысяч золотых флоринов. Сумма была громадная, но речь шла о жизни и смерти, и торговаться не приходилось. К тому же состояние Коссы, награбленное им в разные годы и разными способами, было громадным.

Вместе с Имой Косса сначала перебрался в Бургундию, затем в Савойю и только оттуда – в Италию. Он остановился в одном из городов Лигурии. Косса отправил во Флоренцию Иму с письмом к своему бывшему кардиналу, папе Мартину V. На тот случай, если папа по каким-либо причинам не прочитает письма, Име был дан наказ просить влиятельных людей во Флоренции выступить ходатаями перед Мартином V.

Има исполнила все в точности, и Коссе было дозволено приехать во Флоренцию. Он был принят папой, просил у него прощения и обещал никогда не претендовать на престол святого Петра. Но, верный себе, попросил у Мартина V откупного. И получил – красную кардинальскую шапку, шапку первого кардинала.

Балтазар Косса продолжал жить вместе с Имой в своем дворце во Флоренции до самой своей смерти, последовавшей 22 декабря 1419 года. Ему были устроены пышные похороны, а

позднее Козимо I Медичи, правитель Флоренции, поручил Донато ди Никколо ди Бетто Барди, известному как Донателло, построить над могилой Коссы часовню.

На могильной плите лежит бронзовая, позолоченная маска Коссы, ниже – герб Иоанна XIII, под ним высечены из мрамора кардинальская шапка и папская тиара, надпись гласит: «Здесь покоится прах Балтазара Коссы, бывшего папы Иоанна XIII».

Перкин (Питер) Уорбек (? —1499)

Самозванец. Выдавал себя за сына Эдуарда IV, короля Англии, и претендовал на престол при Генрихе VII. Был принят королями Франции и Шотландии. Его жизнь – один из самых удивительных примеров перевоплощения в мировой истории. Казнен по указанию Генриха VII.

После смерти короля Эдуарда IV остались два несовершеннолетних сына – Эдуард и Ричард. Назначенный протектором Ричард Глостерский, устранив конкурентов в борьбе за власть, объявил себя королем Англии под именем Ричарда III. Он утверждал, что Эдуард IV незаконно занимал трон, поскольку на самом деле он не являлся сыном герцога Йоркского, по этой же причине и его сыновья не могли претендовать на престол. Эдуард V и Ричард были заключены в Тауэр и через некоторое время там же убиты. В 1485 году умерла жена Ричарда III. Короля подозревали в том, что он отравил ее, чтобы жениться на сестре Эдуарда IV Елизавете. Все больше англичан симпатизировали лидеру оппозиции Генриху, графу Ричмонду. В 1485 году, получив помощь от Франции, он повел наступление. В сражении близ Босворта Ричард III был смертельно ранен. С его смертью прекратилась мужская линия династии Плантагенетов. Основатель династии Тюдоров граф Ричмонд взошел на английский трон под именем Генриха VII. Вскоре он женился на Елизавете. Едва получив корону, Генрих должен был вступить в борьбу за нее.

Однако Маргарита Бургундская, другая сестра Эдуарда IV, не могла смириться с тем, что к власти пришла династия Тюдоров. Она не оставляла в покое Генриха VII, распространяя слухи о том, что второй сын Эдуарда IV, Ричард, герцог Йоркский, не был задушен в Тауэре, – после убийства его старшего брата палачи раскаялись и тайно выпустили младшего на свободу. Эти слухи Маргарита распускала и за границей. Тем временем ее тайные агенты подыскивали красивого и стройного юношу, которого можно было выдать за Ричарда, герцога Йоркского. Наконец поиски увенчались успехом.

Перкин Уорбек, обладавший благородной внешностью и изящными манерами, был примерно того же возраста, что и Ричард. С раннего детства Уорбек много странствовал, поэтому было очень трудно установить, где он родился и кто его настоящие родители. И еще одно немаловажное обстоятельство: король Эдуард IV считался его крестным отцом. Уорбек хорошо знал короля Эдуарда IV и, вполне вероятно, наблюдал некоторые сцены придворной жизни, что могло пригодиться при исполнении роли самозванца. Ему было около десяти лет, когда умер Эдуард.

Вот одна из версий его происхождения. У Джона Осбека и его жены Екатерины де Фаро был сын Питер. Он рос хрупким и изнеженным, поэтому все стали называть мальчика уменьшительным именем Питеркин, или Перкин. Фамилию Уорбек ему дали позднее, но именно под ней Питер прославился.

Еще ребенком он с родителями вернулся в Турне. Чуть позже его отдали на воспитание в дом родственника в Антверпене, и мальчик немало времени проводил в дороге между Антверпеном и Турне. Перкин подолгу жил среди англичан и в совершенстве овладел английским языком. Агент Маргариты Бургундской разыскал его в Антверпене. Обнаружив в нем возвышенный дух и подкупающие манеры, сестра Эдуарда IV подумала, что наконец-то отыскала прекрасную глыбу мрамора, из которой изваяет образ герцога Йоркского.

Маргарита окружила его существование глубокой тайной. Она обучала Перкина изящным манерам, наставляя, как соблюсти величие, но не утратить печати смирения, наложенной перенесенными невзгодами; затем рассказала подробно о Ричарде, герцоге Йоркском, которого ему предстояло играть, описала нрав, манеры и внешность короля и королевы – его мнимых родителей, его брата, сестер и многих других людей, составлявших в детстве его ближайшее окружение, а также те события, которые произошли до смерти короля Эдуарда и могли запечатлеться в памяти ребенка. Она рассказала, что случилось после смерти короля. Что касается мнимого заточения в Тауэре, обстоятельств гибели брата и его собственного побега, то она знала, что в этом его способны уличить немногие, и потому ограничилась тем, что сочинила для него правдоподобную историю, от которой он не должен был отклоняться.

Заговорщики также обсудили, что он будет говорить о своих скитаниях на чужбине. Маргарита научила его обходить всевозможные коварные вопросы, которые ему будут задавать. Впрочем, Перкин обладал такой находчивостью, что она во многом положила на его ум и находчивость. Наконец, Маргарита Бургундская распалила его воображение несколькими пожалованиями в настоящем и посулами большего в будущем, живописуя главным образом славу и богатство, какие принесет ему корона, если все пройдет гладко, и пообещала надежное прибежище при своем дворе, если их замысел провалится.

Маргарита решила, что мнимый сын Эдуарда IV должен объявиться в Ирландии в то время, когда король Генрих VII вступит в войну с Францией. Если из Фландрии он сразу направится в Ирландию, то могут подумать, что это произошло не без ее участия. Кроме того, в 1490 году английский и французский короли вели еще переговоры о мире. Поэтому Перкин под чужим именем выехал в Португалию с леди Брэмpton, англичанкой, и со своим сопровождающим. Там Перкин должен был затаиться, пока не получит от покровительницы дальнейшие указания. Сама же Маргарита готовила почву для его приема и признания не только в Ирландском королевстве, но и при французском дворе.

Перкин Уорбек провел в Португалии около года. Когда король Англии созвал парламент и объявил войну Франции, он отправился в Ирландию.

Уорбек прибыл в город Корк. Сразу по прибытии в Ирландию он выдал себя за герцога Йоркского и начал вербовать сторонников и последователей. Он разослал письма графам Десмонду и Кялдеру, в которых призывал их прийти к нему на помощь и примкнуть к его партии.

Маргарита сумела привлечь на свою сторону доверенного слугу короля Генриха, Стефана Фрайона, который был у него секретарем. Фрайон перебежал от него к королю Франции Карлу и поступил к нему на службу. Карл, поняв замысел Перкина, немедленно отправил Фрайона и некоего Лукаса к Перкину, дабы те уведомили его, что французский король хорошо к нему расположен и желает помочь ему отстоять свое право перед королем Генрихом, узурпатором английского престола и врагом Франции, и приглашал его приехать в Париж.

Перкин приободрился. Сообщив своим друзьям в Ирландии, что услышал зов судьбы, он отправился во Францию.

В Париже самозванец был с великими почестями принят королем, который приветствовал и величал его герцогом Йоркским. Карл поселил Уорбека в великолепных покоях и поставил к его особе почетную охрану. В ту же пору у Перкина побывали многие знатные англичане: сэр Джордж Невилл, сэр Джон Тейлор и около сотни других. А Стефан Фрайон стал

главным советником и участником всех предприятий Уорбека. Но со стороны французского короля все это было лишь уловкой, для того чтобы склонить короля Генриха к миру. Впрочем, дорожа своей честью, король Франции не пожелал выдать самозванца королю Генриху (о чем его настоятельно просили), а предупредил Уорбека об опасности и отослал от двора.

Перкин и сам хотел уехать, опасаясь, как бы его не похитили тайно. Он поспешил во Фландрию, к герцогине Бургундской, и там предстал изгнанником, который после многих превратностей судьбы направил свой челн в эти края в надежде обрести безопасную гавань. При этом он вел себя так, словно приехал во Фландрию впервые. А Маргарита притворилась, будто видит перед собой чужака и незнакомца, заявив при этом, что сначала ей необходимо расспросить юношу и удостовериться, действительно ли перед ней герцог Йоркский.

Выслушав его ответы, она сделала вид, что изумлена, обрадована, но в то же время боится поверить в его чудесное избавление. Наконец приветствовала его как восставшего из мертвых, воскликнув, что Бог недаром столь дивным образом уберег его от гибели, уготовив ему великое и счастливое будущее. Да и сам Перкин излучал столько любезности и королевского величия, он так убедительно отвечал на любые вопросы, так ублажал всех, кто к нему являлся, так изящно скорбел и колол презрением всякого, кто выказывал ему неверие, что все решили, что он и есть герцог Ричард. Поэтому герцогиня, как бы отрешившись от последних сомнений, оказывала ему почести, подобающие государю, всегда называла его именем своего племянника и назначила почетную охрану из тридцати человек – алебардщиков, облаченных в ливреи багряных и голубых цветов. Не менее почтительны в обращении с ним были и все ее придворные, будь то фламандцы или иноземцы.

Весть о том, что герцог Йоркский жив, быстро разлетелась по Англии. Говорили, что Ричарда сначала приютили в Ирландии, а потом приютили и предали во Франции и что ныне он признан и живет в большой чести во Фландрии.

Генриха VII начали обвинять в том, что он обирает народ и унижает знать. Припомнили ему и потерю Бретани, и мир с Францией. Но больше всего его укоряли за то, что до сих пор не признана первичность прав королевы Елизаветы на престол. Теперь, говорили в народе, когда Бог явил свету мужского отпрыска дома Йорков, ему несдобровать. Эти слухи распространились столь широко, что вскоре лорд-камергер королевского двора сэр Уильям Стенли, лорд Фитцуотер, сэр Саймон Маунтфорд и сэр Томас Твейтс вошли в тайный сговор в пользу герцога Ричарда. Особенно порадовал леди Маргариту приезд сэра Роберта Клиффорда – прославленного и родовитого дворянина. Переговорив с ним, она привела его к Перкину, с которым он потом часто и подолгу беседовал. Наконец, то ли поддавшись убеждениям герцогини, то ли поверив Перкину, он написал в Англию, что знает Ричарда, герцога Йоркского, как самого себя, и что сей молодой человек – несомненно, тот, за кого себя выдает. Таким образом, все в этой стране готовилось к смуте и мятежу, а между заговорщиками во Фландрии и в Англии установились тесные сношения.

Генрих VII должен был разоблачить самозванца и заговорщиков. Для этого ему нужно было найти свидетельства того, что герцог Йоркский действительно убит, или доказать, что Перкин – самозванец.

Король попытался выяснить происхождение самозванца. Он отправил в несколько стран, в том числе и во Фландрию, своих агентов. Некоторые из них выдали себя за перебежчиков и, явившись к Перкину, примкнули к его окружению, другие под разными предлогами стали выпрашивать и выискивать все обстоятельства и подробности, касавшиеся родителей Перкина, его происхождения, характера и странствий, короче, всего, что помогло бы составить его биографию.

Генрих VII щедро оплачивал услуги своих агентов, обязав их постоянно сообщать ему обо всем, что они узнают. Благодаря шпионам король был хорошо осведомлен о каждом участнике заговора в Англии. К тому же ему удалось завоевать расположение сэра Роберта Клиф-

форда. Генрих VII распространил во всему королевству сведения, разоблачавшие авантюриста Перкина и его ложь о своем происхождении и скитаниях, – сделано это было с помощью придворных сплетен, которые гораздо эффективнее, чем прокламации. Тогда же он решил, что настало время отправить посольство к великому герцогу Филиппу во Фландрию, дабы убедить его отступить от Перкина и отослать его от двора.

После недолгого совещания Совет дал послам следующий ответ: великий герцог из любви к королю Генриху никоим образом не станет помогать мнимому герцогу, он во всем сохранит дружбу с королем. Что же касается вдовствующей герцогини, то она самовластна в землях, отошедших к ней в приданое, и он не может заставить ее поступиться своим именем.

Генриха VII такой ответ отнюдь не удовлетворил, ибо он-то хорошо знал, что приданое не заключает в себе суверенных прав, таких, как право набора войска. Кроме того, послы сказали ему, что, по их наблюдениям, самозванец имеет в совете Филиппа сильных сторонников и, хотя великий герцог пытается представить дело так, будто он лишь не препятствует герцогине укравать Перкина, в действительности он сам оказывает ему помощь и содействие.

Зная, что Перкин больше полагался на друзей и сообщников в Англии, чем на иностранное оружие, король решил, что ему следует сурово наказать нескольких главных заговорщиков в королевстве и тем самым развеять надежды фландрской партии. Король призвал к себе избранных советников и Клиффорда. Последний, бросившись к его ногам, взмолился о прощении, которое король ему тут же и даровал, впрочем, в действительности ему втайне обещали жизнь еще раньше. Затем Клиффорд рассказал все, что ему известно, и, в частности, донес на сэра Уильяма Стенли.

Тайтлер в своей «Истории Шотландии» по поводу показаний сэра Клиффорда, получившего прощение Генриха 22 декабря 1494 года, пишет: «Это разоблачение стало роковым ударом для йоркистов. Их замысел, по-видимому, состоял в том, чтобы провозгласить Перкина королем в Англии, пока его многочисленные сторонники готовились восстать в Ирландии; в то же время шотландский монарх должен был во главе войска нарушить границы и вынудить Генриха разделить свои силы. Однако предводители приграничных кланов, которым не терпелось начать войну, вторглись в Англию слишком рано; к несчастью для Уорбека, случилось то, что, пока буйная вольница, включавшая Армстронгов, Эльвальдов, Кроссаров, Вигэмов, Никсонов и Генрисонов, спускалась в Нортамберленд в надежде поднять там восстание в пользу самозванного герцога Йорка, предательство Клиффорда раскрыло все детали заговора, а поимка и казнь главарей повергла народ в такой ужас, что дело Перкина в тот момент представлялось безнадежным».

Эти казни, в особенности казнь лорда-камергера, главной опоры заговорщиков, которого к тому же выдал сэр Роберт Клиффорд, – а они ему очень доверяли, – ошеломили Перкина и его сообщников.

Уорбек по-прежнему рассчитывал на привязанность простого люда к дому Йорков. Простонародью не нужно столько обещаний, как знатным особам, думал он, и, чтобы завоевать его привязанность, достаточно воздвигнуть в поле штандарт. Местом своей будущей вылазки он избрал берег Кента.

В это время король, получив тайную весть о намерении Перкина высадиться в Корке, решил заманить его и нарочно уехал подальше на север, чтобы, открыв самозванцу фланг, заставить его подойти вплотную и напасть на него. Войско Перкина состояло, в основном, из разорившихся гуляк, воров или грабителей. С ним он вышел в море и в начале июля 1495 года стал близ кентского берега, между Сэндвичем и Дилом.

Там он бросил якорь. Поняв, что за Перкином не стоят знатные англичане и что его воины – чужеземцы, способные скорее обчистить окрестности, чем отвоевать королевство, жители Кента обратились к первым дворянам графства и, поклявшись в верности королю, пожелали, чтобы ими располагали и распоряжались так, как лучше для блага короля.

Посоветовавшись, дворяне направили часть сил на берег, чтобы знаками выманить солдат Перкина на сушу как бы для того, чтобы с ними соединиться, а остальным велели появляться в разных местах берега и создавать видимость поспешного отступления, чтобы побудить их к высадке.

Однако Перкин решил не высаживаться с корабля, пока не убедится, что все надежно. Поняв, что больше им никого не выманить, англичане набросились на тех, кто уже высадился, и порубили их. В этой стычке (помимо убитых во время бегства) были схвачены около ста пятидесяти пленников.

Генрих VII для устрашения приказал всех пленников повесить. Перкин же снова отплыл в Ирландию. Здесь он перевел дух, после чего решил искать помощи у Якова, молодого и доблестного короля Шотландии, жившего в ладу со знатью и народом, и противника короля Генриха. В то же время к английскому королю испытывали неприязнь эрцгерцог Максимилиан и король Франции Карл, которые так обеспокоились судьбой Уорбека, что оба тайными письмами и грамотами рекомендовали его королю Шотландии.

Перкин приехал в Шотландию с большой свитой и был с почестями встречен королем. Он прибыл в Стерлинг 20 ноября 1495 года.

Перкина торжественно ввели к королю. Тот оказал ему теплый прием.

Король Яков обещал гостю, что, кем бы он ни был, он никогда не раскается, что отдал себя в его руки. С того самого времени шотландец, то ли очарованный любезным и пленительным обхождением Перкина, то ли поверив рекомендациям великих чужеземных государей, то ли желая воспользоваться поводом к войне с королем Генрихом, стал вести себя с ним, как с Ричардом, герцогом Йоркским. И чтобы развеять последние сомнения в том, что он принимает его за великого государя, а не за самозванца, король дал согласие, чтобы герцог взял в жены леди Екатерину Гордон, дочь графа Хантли и близкую родственницу самого короля, молодую девственницу редкой красоты и добродетели.

Вскоре король шотландцев, сопровождаемый Перкином, с большим войском, состоявшим, в основном, из жителей приграничных районов, вступил в Нортумберленд.

Однако призыв Перкина сплотиться вокруг него не получил отклика у народа. Тогда король Шотландии обратил свое предприятие в набег и огнем и мечом опустошил и разрушил графство Нортумберленд. Узнав, что против него посланы войска, он с большой добычей вернулся в Шотландию. Говорят, что, когда Перкин увидел, что шотландцы принялись опустошать деревни, он, пылая негодованием, явился к королю и потребовал, чтобы война не велась варварским образом, ибо ему не нужна корона, добытая ценой крови и разорения его страны.

Между тем короли Шотландии и Англии начали вести переговоры о мире. Однако вскоре они зашли в тупик. Главным препятствием было требование Генриха VII выдать ему Перкина как лицо, не охраняемое международным правом. Яков наотрез отказался это сделать, говоря, что он плохой судья правам Перкина, но он принял его как просителя, защитил как беглеца, искавшего убежища, дал ему в жены свою близкую родственницу и теперь, по чести, не может выдать его врагам, ибо это означало бы перечеркнуть и признать ложью все, что он перед тем говорил и делал.

Однако король Шотландии, не меняя своей официальной позиции в отношении Перкина, после частых бесед с англичанами и других свидетельств заподозрил, что Перкин – самозванец. Яков призвал его к себе и, перечислив все благодеяния и милости, которые он ему оказал, посоветовал Перкину подумать о своей судьбе и выбрать более подходящее место изгнания, добавив, что англичане разоблачили его перед шотландским народом, тем не менее он исполнит свое обещание и предоставит ему корабли.

Перкин отвечал королю, что, по-видимому, его время еще не пришло, но, как бы ни сложилась его судьба, он будет думать и говорить о короле по чести. Вместе с женой и преданными сторонниками авантюрист переправился в Ирландию.

Недавние народные волнения в Корнуолле, казалось, не имели никакого отношения к Перкину, хотя его прокламация, обещавшая упразднить поборы и платежи, затронула верную струну, и корнуэльцы поминали его добром. К моменту приезда Перкина корнуэльские мятежники, взятые в плен и получившие прощение, вернулись в свое графство. Однако некоторые из них, прослышав, что Перкин в Ирландии, известили его, что, если он к ним приедет, они будут ему служить.

Советники убедили Перкина, что следует полностью опереться на народ и потому надо побыстрее плыть в Корнуолл.

Перкин переправился туда на четырех маленьких барках с 80 воинами. Он причалил в бухте Уитсэндбей. В Бодмине к нему присоединилось до трех тысяч корнуэльцев.

Самозванец выпустил прокламацию, в которой раздавал народу щедрые обещания и разжигал его выпадами против короля и правительства. Перкин начал величать себя Ричардом IV, королем Англии. 17 сентября повстанцы осадили Эксетер, самый сильный и богатый город в тех краях. Подойдя к Эксетеру, они пообещали жителям, что если те первыми признают короля, то он превратит их город в новый Лондон. Однако горожане на провокации не поддавались.

21 сентября Перкин снял осаду и двинулся в Тонтону. Подступив к Тонтону, Перкин, изображая бесстрашие, весь день делал вид, что готовится к бою, но около полуночи в сопровождении трех десятков всадников бежал в Больё, что в Нью-Форесте, бросив корнуэльцев на произвол судьбы. Узнав о бегстве Перкина, Генрих VII выслал пятьсот всадников, чтобы перехватить его, прежде чем он достигнет моря или того малого островка, который называли святилищем. Но отряд подоспел слишком поздно. Поэтому всадникам оставалось лишь окружить убежище и выставить охрану, ожидая дальнейших распоряжений короля.

Генрих VII отправил делегацию для переговоров с Перкином, который с радостью согласился на его условия, поскольку был в плену и лишен всяких надежд. Перкина доставили ко двору. Он пользовался свободой, но находился под постоянным наблюдением.

Перкин пытался бежать, но был пойман. Перкина заковали в кандалы, забили в колодки на эшафоте, воздвигнутом во дворе Вестминстерского дворца, и продержали так весь день. На следующий день то же самое повторилось на перекрестке в Чипсайде, и в обоих местах он вслух читал свою исповедь. Из Чипсайда его перевели и заточили в Тауэр.

Перкин пытался бежать и из Тауэра, и снова неудачно. После неудавшегося побега Перкина, согрешившего против помилования в третий раз, подвергли суду.

16 ноября 1499 года он был приговорен к смерти, а через несколько дней казнен в Тайберне.

Эрнан Кортес (1485–1547)

Испанский конкистадор. В 1504–1519 годах служил на Кубе. В 1519–1521 годах возглавил завоевательный поход в Мексику, приведший к установлению испанского господства. В 1522–1528 годах – губернатор, а в 1529–1540-х – капитан Новой Испании (Мексики). В 1524 году в поисках морского прохода из Тихого океана в Атлантический пересек Центральную Америку. В последние годы жизни проявил себя как талантливый колонизатор.

Двое знаменитых конкистадоров были родом из испанской провинции Эстремадура. Эрнан Кортес появился на свет в городке Медельин, Франсиско Писарро – в Трухильо. Между ними существовала и родственная связь: Кортес был сыном Мартина Кортеса де Монро и донны Каталины Писарро Альтамарино. Кортес, Монро, Писарро, Альтамарино – древние знатные фамилии, отец и мать Кортеса принадлежали к сословию идалго. Полное имя будущего завоевателя было Эрнан Кортес-и-Писарро.

Отец Эрнана Кортеса прочил единственному сыну карьеру юриста. В четырнадцать лет юношу отправили в университет города Саламанки. Однако через два года Эрнан вернулся домой.

После ухода из университета Кортес проводил свои дни в праздности.

Пылкий и резкий юноша уже тогда подумывал о карьере военного.

В 1504 году девятнадцатилетний Кортес отправился на остров Эспаньолу. Здесь, на Гаити, Кортес обратился в Санто-Доминго с ходатайством о предоставлении ему права гражданства и о выделении земли. Губернатор Овандо выделил ему землю и индейцев для работ. Кроме того, Кортесу, как юристу, дали должность секретаря в совете вновь основанного города Асуа, где он прожил шесть лет. Однако Эрнан не отказался от своей склонности к приключениям и участвовал в боевых действиях против восставших индейцев.

В 1511 году Диего де Веласкес начал завоевание Кубы. Кортес, отказавшись от своих владений, сменил спокойное существование землевладельца на полную приключений жизнь конкистадора. Во время кубинского похода он благодаря своей открытой, жизнерадостной натуре и мужеству приобрел немало друзей. Кортес находился в фаворе у вновь назначенного губернатора Веласкеса и даже стал личным секретарем своего покровителя. Он поселился в первом испанском городе на Кубе, в Сантьяго-де-Барракоа, где дважды избирался алькальдом (городским судьей). Он достиг успехов и как землевладелец, занявшись разведением овец, лошадей, крупного рогатого скота. В последующие годы он полностью посвятил себя обустройству своих поместий и с помощью выделенных ему индейцев добыл в горах и реках большое количество золота.

Веласкес назначил Кортеса главнокомандующим экспедиции в Центральную Америку. Эрнан без промедления приступил к снаряжению флота. Он заложил свои имения, занял деньги у нескольких богатых граждан Сантьяго. Репутация Кортеса, а также весть о богатстве вновь открытых стран заставили многих искателей приключений поспешить под его знамена. Было снаряжено шесть кораблей, более трехсот человек вызвались принять участие в экспедиции.

Однако Веласкес хотел ограничить размеры экспедиции небольшим количеством участников и кораблей, а цели ее – продолжением открытий, чтобы затем самому приступить к колонизации страны. Размах приготовлений вызвал недовольство губернатора, и он отстранил Кортеса от командования экспедицией.

Кортес в этой непростой для него ситуации проявил способность быстро принимать решения, что впоследствии не раз спасало экспедицию от верной гибели. Несмотря на то что экипаж не был полностью укомплектован, а корабли недостаточно оснащены, Эрнан Кортес тайно отдал приказ поднимать паруса. В полночь небольшая флотилия снялась с якоря. Кортес рисковал головой, лишь успех экспедиции мог спасти его.

В Тринидаде Кортес пополнил запасы и приказал поднять свой штандарт черного бархата, на котором были изображены красный крест, окруженный белыми и синими языками пламени, и надпись на латинском «In hoc signo vinces» («С этим знаком побеждаю»). К экспедиции присоединялись все новые и новые люди. В конце концов в завоевании Мексики приняли участие около 2000 испанцев. С этим отрядом Кортес отправился в самый рискованный и трудный военный поход своего века.

10 февраля 1519 года эскадра взяла курс на мыс Сан-Антонио, выбранный в качестве места сбора. Экспедиция состояла из 11 старых судов. 18 февраля был взят курс на Юкатан.

Наконец экспедиция достигла устья Рио-Табаско, или Рио-Грихальва, как эта река была названа в честь ее первооткрывателя. Испанцы заняли столицу провинции Табаско и вскоре пожалели, что пустились на подобную авантюру, поскольку к городу подошли многочисленные отряды индейцев.

После долгих раздумий Кортес решился дать противнику бой. Отступление в самом начале похода подорвало бы моральное состояние его людей и вдохновило индейцев. 25 марта 1519 года, в день Благовещения, члены экспедиции прослушали мессу, а затем бросились в бой. И хотя испанцам противостояли превосходящие силы аборигенов, они одержали победу. Индейцы, прежде не видевшие лошадей, в паническом страхе обратились в бегство, а всадники, возглавляемые лично Кортесом, с криками «Сантьяго!» устремились вслед за ними. На месте победы впоследствии была сооружена новая столица провинции, названная Санта-Мария-де-ла-Виктория.

Потери испанцев оказались незначительными. Жители Табаско, потерявшие несколько тысяч человек, заключили с испанцами мир. Вожди преподнесли подарки, и в их числе 20 индейских девушек, которых Кортес после крещения распределил среди своих капитанов. Одна из них, Марина, родила Кортесу сына, получившего в честь деда имя – дон Мартин Кортес и впоследствии ставшего командором рыцарского ордена в Яго...

Экспедиция продолжила путь. В Сан-Хуан-де-Улуа состоялась первая встреча с могущественным правителем Мексики Монтесумой. По рассказам, индейских послов можно было судить о величии и власти империи ацтеков. Идея покорить силой государство, в котором около двух миллионов воинов, отрядом из 600 человек должна была показаться чистейшим безумием. Завоевать Мексику можно было лишь с помощью политических и дипломатических средств, путем ловкого использования раскола, существовавшего внутри индейского народа.

Через неделю послы Монтесумы вновь прибыли в лагерь испанцев. Сотня носильщиков доставили подарки властителя завоевателям. К удивлению индейцев, Кортеса заинтересовал

желтый металл, который добывался в горных рудниках. Сами индейцы называли золото «нечистотами богов».

С помощью драгоценных подношений Монтесума стремился заставить чужаков отказаться от плана захвата мексиканской столицы. Властитель не подозревал, что именно его богатые дары еще больше вдохновили испанцев на продвижение к источнику этих сокровищ. Эрнан Кортес, прежде чем двинуться в глубь Мексики, заложил на побережье поселок – Вилья-дела-Вера-Крус. Для того чтобы соблюсти хотя бы видимость законности, Кортес возложил все полномочия на назначенный им самим городской совет и попросил об отставке с должности главнокомандующего. Власть губернатора Диего Веласкеса сменила власть совета Веракруса. Кортес стал верховным судьей и генерал-капитаном.

В своем решении пробиться к таинственной столице мексиканской империи Кортес нашел неожиданных, а потому столь желанных союзников в лице тотонаков, врагов мексиканцев. Индейцы из этого племени предложили Кортесу посетить их столицу Семпоаллу.

Для того чтобы еще прочнее привязать к себе тотонаков, Кортес приказал захватить пятирх мексиканских сборщиков налогов. При этом он вел двойную игру, поскольку приказал своим людям тайно освободить ацтекских чиновников и отправить их к Монтесуме с дружественным посланием. Таким образом, Кортес снискал расположение тотонаков, а с другой стороны, удостоился благодарности мексиканцев, которые не подозревали о коварстве испанца.

Но конкистадору нужно было заручиться поддержкой еще и испанского короля, чтобы избежать возможных санкций со стороны Веласкеса. Кортес отказался от полагавшейся ему пятой части всей завоеванной до тех пор добычи и сумел уговорить солдат отказаться от своей доли в пользу короля.

В июле 1519 года лучший корабль эскадры при попутном ветре отплыл в Испанию. Для Эрнана Кортеса прием его посланников при дворе оказался триумфальным. Король выразил свою благодарность и вместе с придворными восхищался произведениями искусства Нового Света. Король узаконил деятельность конкистадора; одновременно он отдал распоряжение снарядить три корабля в помощь Кортесу.

16 августа 1519 года испанские завоеватели вместе с тотонаками выступили в направлении мексиканской столицы Теночтитлана. У крутых склонов Кордильер был разбит лагерь.

На четвертый день отряд наконец вошел в горы. Начался крутой подъем к укрепленному городу, который Диас в своих записках называет Сокочима. К нему вело две тропы, вырубленные в скале в виде лестниц и очень удобные для обороны. Однако местный касик получил от Монтесумы приказ пропустить испанцев.

Преодолев перевал, конкистадоры вступили на земли враждебно настроенных племен. Как сообщает Берналь Диас, первое столкновение с главными силами тласкаланцев произошло 2 сентября 1519 года, а через три дня разыгралось еще одно крупное сражение. Кортес утверждал в своих письмах королю, что индейцев было 139 тысяч. Битва происходила на равнине, где и конница, и артиллерия могли развернуться. Тласкаланцы атаковали гуртом, и артиллерия косила их, как траву, а получившие боевую закалку испанские солдаты врывались в толпу неприятеля подобно римским легионерам. Однако вскоре у испанцев осталась всего дюжина лошадей, победу же Кортесу принесли острые клинки пехотинцев.

Впоследствии тласкаланцы нападали небольшими отрядами, которые состязались между собой за честь пленить живого испанца. Но окрестные вожди уже начинали приходить в лагерь с мирными предложениями.

В это время к Кортесу явилось еще одно посольство от Монтесумы – шесть вождей со свитой из двухсот человек, которые принесли в подарок Кортесу золото, поздравления с победой и, что куда важнее, весть о том, что Монтесума готов не только стать вассалом испанского короля, но и платить ежегодную дань при условии, что испанцы не вступят в столицу Мексики. Это была одновременно и взятка, и сделка. Таким образом, Кортес получил возможность вести

тонкую игру. Он все еще не доверял тласкаланцам и признавал, что «продолжал обхаживать и тех, и других, тайком благодаря каждую сторону за совет и делая вид, будто испытывает к Монтесуме более теплые чувства, нежели к тласкаланцам, и наоборот».

Вступив в Тласкалу, Кортес не только завоевал тридцатитысячный город, но и весь округ, «девяносто лиг в окружности», поскольку Тласкала была столицей страны, которую можно было назвать республикой. Сам город, по словам Кортеса, «более крупный, чем Гранада, и гораздо лучше укрепленный», лежал в низине среди холмов, а некоторые храмы стояли в окружавших столицу горах. В Тласкале Кортес собрал сведения о мексиканской столице и о самих мексиканцах. Тласкаланцы сообщили ему, сколько подъемных мостов на дамбах и даже какова глубина озера. Они оценивали численность мексиканских армий одного только Монтесумы в 150 тысяч воинов. Тласкаланцы были уверены в том, что испанцы – их единственная надежда в борьбе против Монтесумы, поэтому Кортес получил поддержку всей страны.

12 октября 1519 года испанская армия, усиленная 5000 тласкаланцами, выступила в находящуюся в 40 километрах Чолулу, которая считалась верным союзником Теночтитлана. В этом городе находилось множество роскошных теокалли. Здесь процветали искусства и ремесла.

Утром 13 октября испанцев встретила процессия жителей Чолулу. Чужеземцев, которых со дня появления считали теулями (богами), окурили ароматом растительной смолы. По просьбе вождей индейцы из вспомогательных отрядов Кортеса разбили лагерь вне города, в то время как сами испанцы были расквартированы в самом Чолулу. Однако Кортес подозревал, что им готовят ловушку.

Он пригласил к себе местных вождей, сделав вид, что назавтра собирается покинуть город, и попросил их выделить 2000 таманов (носильщиков). Вожди охотно согласились.

Рано утром во дворе дома, где жили испанцы, появились носильщики, а также местные вожди, которых пригласили для прощания. Кортес призвал вождей к себе и обвинил их в заговоре. По сигналу в город вошли тласкаланцы. Начались поджоги и всеобщее разграбление города. Весть о жестоком наказании Чолулы распространилась по всем провинциям империи ацтеков. Страхи Монтесумы получили подтверждение, властитель Мексики решил принять в столице конкистадора.

1 ноября 1519 года испанцы в строгом походном порядке выступили в направлении столицы Мексики. Теночтитлан, который называли «Венецией ацтеков», произвел грандиозное впечатление на европейцев, но к изумлению добавилось все возрастающее беспокойство, ибо, по выражению Берналя Диаса, «перед нами был большой город Мехико, а нас было менее 400 солдат». Кортес понимал, что в случае разрушения мостов город превратится для его отряда в ловушку. Поэтому одной из первых его задач стало строительство четырех бригаantin, которые сделали бы его не зависимым от дорог, идущих по дамбам.

Монтесума приветствовал чужеземцев поклоном. Затем произошел традиционный обмен подарками. В сопровождении торжественной процессии испанцы прошли ко дворцу отца Монтесумы Асаякатля, где должен был состояться прием.

Кортес использовал как политические, так и военные средства для осуществления своих планов. В Веракрусе индейцы убили нескольких испанцев, в том числе командира Эскаланте. Поэтому 14 ноября 1519 года Кортес приказал арестовать своего гостеприимного хозяина Монтесуму прямо в его дворце, обвинив властителя в организации нападения в Веракрусе.

В своем докладе Карлу V Кортес представил свои насильственные действия как меру, необходимую для обеспечения безопасности испанцев и для соблюдения интересов короля. Пленный император служил гарантом безопасности его солдат, ведь в этом авторитарном государстве никто не решился бы предпринять что-либо против европейцев без санкции Монтесумы.

Следующим шагом Кортеса стала организация официального отречения Монтесумы от престола. В декабре 1519 года в присутствии высших персон империи был проведен формаль-

ный акт принесения присяги на верность испанскому монарху, ввиду отсутствия представленному персоной Эрнана Кортеса. Подчинение страны верховной власти Карла V было торжественно заверено нотариусом.

После перехода власти к Кортесу Монтесуме ничего не оставалось, как подарить сокровища отца чужеземцам. Индейцы ценили золото лишь в виде искусных украшений, испанцы же переплавляли драгоценные произведения искусства в слитки и ставили на них королевское клеймо.

В начале мая 1520 года, спустя шесть месяцев после прибытия в Теночтитлан, с побережья пришло сообщение, которое обеспокоило Кортеса. В Мексике объявилась карательная экспедиция под командованием Панфило де Нарваэса. Ее послал Диего Веласкес для расправы с непокорным Кортесом.

Перед конкистадором возникла угроза войны на два фронта. Попытки договориться с Нарваэсом не увенчались успехом.

Зная о большом численном превосходстве армии Нарваэса, Кортес тем не менее разделил свое и без того немногочисленное войско. Небольшому отряду удалось незамеченным пробраться к столице тотонаков, где расположился карательный отряд, и застать противника врасплох. Армия кубинского наместника сложила оружие. Таким образом, Кортес, недавний возмутитель спокойствия, стоявший во главе кучки авантюристов, стал независимым предводителем армии, доселе не виданной в Новом Свете.

Но в это время Эрнан получил тревожные сообщения из Теночтитлана: ацтеки напали на гарнизон. Мексиканцы имели достаточно оснований для того, чтобы использовать отсутствие Кортеса для нападения на испанцев в Теночтитлане: пленение их правителя, опустошение дворцов, кража сокровищ из золота и серебра, осквернение храмов и разрушение изображений богов... И, наконец, присутствие смертельных врагов, тласкаланцев, что больше всего оскорбляло гордый народ теноча.

24 июня 1520 года, когда положение испанцев в Теночтитлане стало отчаянным, Кортес вновь вошел в мексиканскую столицу. Со своим отрядом он пробился ко дворцу Асаякатля и оказался в осаде. Кортес приказал построить переносной деревянный мост, с помощью которого можно было преодолеть разрушенные переходы через каналы.

30 июня 1520 года Кортес отдал приказ о выступлении из столицы. В ночь на 1 июля, когда испанцы переходили через мост, индейцы напали на завоевателей и нанесли им сокрушительный удар. В пресловутую ночь печали погибли все орудия, 80 лошадей, 459 испанцев. Были уничтожены весь обоз и большая часть захваченных в спешке сокровищ. Кортес едва не погиб.

7 июля 1520 года у Отомпана, или, как его называют испанцы, Отумбы, Кортес встретился с огромной армией мексиканцев, примерно в 200 000 воинов, а у испанцев больше не было огнестрельного оружия. Тем не менее испанцы и тласкаланцы с яростью обрушились на превосходящие силы противника. Кортес во главе конного отряда прорвался сквозь гущу врагов и пронзил пышно одетого вождя ацтеков копьем. Когда индейцы увидели свои штандарты в руках испанцев, они запаниковали и бросились бежать.

Окрыленный успехом, Кортес решил снова завоевать мексиканскую столицу. Он приказал построить 13 бригаنتين, которые после испытаний были разобраны. Носильщики-индейцы перенесли их через сьерру к озеру Тескоко. Бригантины были вновь собраны на расстоянии 800 метров от берега; одновременно около 40 000 индейцев были заняты рытьем канала, ведущего к озеру. Почти семь месяцев длились эти приготовления.

28 декабря 1520 года Кортес со своей внушительной армией отправился в Мексику. Он выбрал нелегкий, но безопасный путь через дикую сьерру. Перед началом штурма Теночтитлана у Кортеса были 650 человек пехоты, 194 стрелка, 84 кавалериста и вспомогательные

индейские отряды численностью 24 000 человек, а также три тяжелые пушки и 15 полевых орудий.

20 мая 1521 года начался штурм мексиканской резиденции. Бригантины уничтожили всю флотилию индейских каноэ. Но продвижение по дамбам шло с большими потерями, поэтому Кортес решил взять Теночтитлан осадой. Мексиканцы, имеющие большое превосходство в живой силе, продолжали сопротивляться.

13 августа 1521 года испанцы ворвались в город и, подавив сопротивление оборонявшихся, захватили его. По разным данным, погибли и умерли от голода или болезней от 24 до 70 тысяч мексиканцев. Точное число потерь испанцев тоже не установлено; по меньшей мере 100 человек попали в плен и были принесены в жертву языческим богам, примерно столько же погибли. Потери союзников приближались к 10 тысячам.

Осада продлилась 75 дней, и, согласно сообщениям Кортеса, не было дня без боя с индейцами. Вождь ацтеков Куаутемок во время бегства попал в руки испанцев и, закованный в цепи, предстал перед Кортесом.

Однако сокровища, ради которых, собственно, и затевалась эта грандиозная операция, бесследно исчезли. Куаутемок даже под пытками не сказал, где они спрятаны.

До 1524 года испанские конкистадоры основали в Мексике несколько городов. Кортес большую часть времени проводил в Койоуакане, откуда лично руководил восстановлением Теночтитлана. В эти годы он проявил себя как талантливый колонизатор. По воле испанца путем слияния древнеамериканской и христианских культур должна была возникнуть новая, иберо-американская культура. Большой прогресс был достигнут и в обращении индейцев в христианство. Кортес просил короля прислать миссионеров «доброй и образцовой жизни».

Сам Кортес на протяжении всей жизни пользовался доверием индейцев, которые, по свидетельству очевидцев, очень уважали и почитали его. Однако недоверие испанского двора к конкистадору и отношение королевских чиновников в самой Мексике не позволили Эрнану Кортесу осуществить свою мечту – распространить власть Испании до Южного моря и до берегов Азии. Тем временем его, принесшего монарху в качестве трофея могущественную державу, завистники обвинили в стремлении к отделению от испанской короны. Кортес отправился в Испанию для встречи с королем. В конце мая 1528 года конкистадор с внушительной свитой высадился в порту Палое. При дворе императора его приняли со всеми почестями. Кортес поклялся в своей верности монарху. 6 июля 1529 года император пожаловал ему титул маркиза дель Валле-де-Оахака, наградил большим крестом ордена Святого Иакова и подарил ему обширные земельные угодья в Мексике. Однако должности губернатора Новой Испании он не получил.

В июле 1529 года конкистадору были переданы новые участки земли в столице Оахака. Кортес стал сеньором 22 поселений и 23 000 вассалов-индейцев. Женившись на Хуане Суньиго, дочери графа де Агилара и племяннице герцога де Бехара, Эрнан получил доступ в наиболее влиятельные дома высшей испанской аристократии.

Весной 1530 года он в сопровождении супруги и своей престарелой матери доньи Каталины вернулся в Мексику, где посвятил себя преимущественно задачам колонизации. Он завез с Кубы сахарный тростник, разводил мериносовых овец и разрабатывал золотые и серебряные рудники. Но эти мирные занятия не могли удовлетворить его натуру авантюриста.

В 1532 и 1533 годах он снарядил две небольшие флотилии. Кортес предпринял попытку основать в Калифорнии поселение. Но подобные предприятия требовали больших денег, не принося ничего взамен. В 1535 году Кортес сам отправился в экспедицию, прошел вдоль побережья Калифорнийского залива до 30-го градуса северной широты. На юге Калифорнийского полуострова он основал город Санта-Крус, нынешний Ла-Пас. В 1539 году три корабля не вернулись назад. Финансовый ущерб, нанесенный Кортесу, составил в итоге почти 200 000 золотых дукатов.

Тем не менее географические открытия были весьма значительными. Было установлено, что Калифорния не остров, а часть материка. Наконец, Кортес исследовал большие участки западного побережья американского континента и Калифорнийский залив.

К сожалению, все инициативы Кортеса в Испании не находили отклика у дворян. По возвращении на родину король также не поддержал его планов расширить границы испанской империи за счет всей территории вновь открытого континента. После трех лет, проведенных в ожидании, Эрнан решил вернуться в Мексику.

Однако ему удалось добраться лишь до Севильи. Там он заболел дизентерией. Кортес еще успел завершить свои земные дела и 11 октября подписал завешание. Он умер 2 декабря 1547 года в возрасте 62 лет.

Франсиско Писарро (1478–1541)

Испанский конкистадор. В 1513–1535 годах участвовал в завоевании Перу. Разгромил и уничтожил государство инков Тауантинсуйу, основал семь городов, в том числе Лиму. В 1535 году ему был пожалован титул маркиза. Убит в Лиме.

Франсиско Писарро родился в Трухильо, провинции Эстремадура, в 150 километрах к юго-западу от Мадрида.

Франсиско был незаконнорожденным сыном дона Гонсало Писарро, солдата, получившего знатный титул за храбрость в сражениях против мавров. Его мать, Франсиска Гонсалес, была дочерью простолюдина. Мальчика никогда не учили читать, он играл со своими сверстниками в окрестностях Трухильо, иногда присматривая за овцами или свиньями. С ранней юности он жаждал приключений.

По всей вероятности, Писарро покинул Трухильо в 19-летнем возрасте и присоединился к испанской армии в Италии. Это закалило его и подготовило к трудным экспедициям в Южную Америку. Достоверно известно, что в 1502 году он отправился в Америку уже опытным солдатом. Молодой Писарро участвовал в кровавом походе против индейцев на остров Спальола (ныне Гаити).

Писарро было около 35 лет, когда он принял участие в знаменитом пересечении Панамы вместе с Васко Нуньесом де Бальбоа. Это было началом «отважного похода за Большим призом», как позже стали называть завоевания испанцев в Южной Америке. В 1519 году был основан город Панама, и Писарро стал одним из первых его жителей. Он получил свою долю земли, на которой работали индейцы. И даже стал губернатором. Он разбогател, обрел почет и уважение.

Что заставило Писарро отважиться на отчаянное путешествие вдоль берега Южной Америки, играть судьбой, подвергать жизнь и здоровье новым испытаниям, преследуя иллюзорную мечту? Многие биографы Писарро объясняют эту тягу к приключениям его натурой прирожденного игрока. И в то же время он был уравновешенным и осмотрительным человеком. У него было только две страсти: сражение и поиск. И больше, чем покоя, он жаждал славы.

Чтобы финансировать экспедицию в Америку, он привлек к проекту Диего де Альмагро и священника Эрнандо де Луке. Втроем они купили корабль, оснастили его всем необходимым, наняли людей. 14 ноября 1524 года Писарро отплыл из Панамы, возглавив первую из трех своих исследовательских экспедиций.

Однако только в 1528 году удача улыбнулась Писарро. Переплыв экватор, его отряд высадился на побережье Эквадора и Перу. В одном месте их приветствовала женщина-вождь, и по тому, как держались она и ее приближенные, сколько на них было золота и серебра, они поняли, что попали в очень богатые края.

Вернувшись в Панаму, Писарро решил, что необходимо как можно скорее оказаться в Испании, поскольку тогда ни один конкистадор не осмеливался сделать и шагу без королевского дозволения. В конце 1528 года Писарро прибыл ко двору короля Карла в Толедо и сумел произвести сильное впечатление на 28-летнего короля. Дары в виде шкур лам и культовых предметов инков из золота, преподнесенные королю, обеспечили Писарро титул губернатора и позволили получить королевское благословение. Он был наделен столь широкими полномочиями, каких не удостоивался никто из конкистадоров за всю историю покорения испанцами Южной Америки.

Писарро отплыл из Испании в январе 1530 года, но лишь спустя год, в январе 1531-го, экспедиция смогла наконец выйти из Панамы. Три судна – два крупных и одно небольшое, на борту которых находились 180 солдат, 27 лошадей, оружие, боеприпасы и пожитки. Отряд был слишком мал, чтобы покорить империю, простиравшуюся на тысячи миль в глубь суши, до амазонской сельвы. Писарро знал, что вся огромная территория инков покрыта сетью военных дорог, что многочисленные крепости охраняются сильными гарнизонами, а страна беспрекословно повинует одному самодержавному правителю. Но он все же надеялся добиться успеха! Тщеславный Писарро считал, что он вполне способен повторить свершения своего земляка Кортеса.

Писарро не был ни дипломатом, ни великим полководцем, но отличался отвагой и решительностью, о чем свидетельствуют его первые действия в ранге командующего экспедицией.

Его корабль отплыл вдоль побережья прямо в Тумбес, но спустя две недели штормы, встречные ветры и течения вынудили его укрыться в бухте Святого Матвея. Писарро сошел на берег и отправился пешком на юг. Корабли нагнали его, следуя вдоль побережья. Проведя тринадцать дней в тесноте на борту трех маленьких судов, боровшихся с ветром и непогодой, солдаты были измождены. Несмотря на это, Писарро после трудного перехода через полноводные реки области Коакве совершил набег на маленький город. Испанцам повезло: они награбили золота и серебра на 20 тысяч песо, большей частью в виде грубых украшений. Сокровища он погрузил на корабли и отправил в Панаму в расчете на то, что, увидев их, остальные конкистадоры присоединятся к нему.

Затем он возобновил продвижение на юг.

Награбить больше не удалось. Деревни, попадавшиеся на пути, были покинуты, а все самое ценное унесено. Конкистадоры страдали от ужасной жары и тропических ливней. Их кожа покрывалась огромными гнойными язвами. Люди теряли сознание, умирали. Это было самое беспорочное начало кампании, когда-либо задуманное военачальником, и то, что испанские солдаты дошли до залива Пуаякиль, красноречивее всего свидетельствует об их стойкости. Походная жизнь длилась пятнадцать месяцев.

Писарро решил, что остров Пуна может стать для них подходящей базой. Обитатели Пуны враждовали с Тумбесом, лежавшим всего в тридцати милях от них. Остров был большой и лесистый, здесь можно было не опасаться внезапного нападения. Писарро устроил лагерь и стал ждать подкрепления. Во время похода на юг к нему присоединились два корабля. Первый привез королевского казначея и других чиновников, не успевших примкнуть к экспедиции, когда она отплыла из Севильи, второй – 30 солдат.

Из Тумбеса прибыли индейцы, и хотя Писарро знал, что они – заклятые враги обитателей Пуны, он принял их в своем штабе. А потом, когда два его переводчика предупредили Писарро, что вожди Пуны собрались на совет и готовят нападение, он тотчас же окружил их на месте встречи и выдал жителям Тумбеса. Итогом стала кровавая резня. На лагерь напали несколько тысяч воинов Пуны, и испанцам пришлось искать убежища в лесу. Потери были сравнительно небольшие: несколько убитых, брат Эрнандо Писарро был ранен дротиком в ногу. Но индейцы продолжали атаковать лагерь.

Когда прибыли еще два корабля с сотней добровольцев и лошадьми (кораблями командовал Эрнандо де Сото), Писарро почувствовал, что у него достаточно сил, чтобы перебраться на материк. Слабое сопротивление тумбесцев было быстро подавлено конницей Писарро. Основной отряд испанцев пересек залив на двух судах. Наконец они вошли в Тумбес – город, где, как гласила легенда, в садах висели золотые фрукты, а храмы были облицованы золотом и серебром. Однако их ждало горькое разочарование: город Тумбес в заливе Гуаякиль, описанный четырьмя годами ранее как процветающий, лежал в руинах, а его население вымерло от оспы. От него не осталось ничего, кроме крепости, храма и нескольких зданий.

Писарро лишился возможности быстро обогатиться, зато, как оказалось, получил нечто гораздо большее – ключ к завоеванию страны. Территория была раздроблена и могла вновь покориться одному правителю. Это Писарро выяснил, когда расспрашивал о причинах столь плачевного состояния города. Разрушение его было делом рук островитян с Пуны. По словам перуанцев, король-Солнце – Инка Уаскар, был слишком занят войной с братом Атауальпой, чтобы оказать городу необходимую помощь. Он даже отозвал из крепости своих воинов. Борьба за власть завершилась незадолго до высадки Писарро в Тумбесе. Атауальпа победил, и его войско пленило Уаскара. Узурпатор из Кито стал Инкой (верховным правителем), но жители Тумбеса и других районов не одобряли смены правителя.

Империя инков была раздроблена, чем и воспользовался Писарро.

Оставив часть отряда в Тумбесе, он отправился с лучшими солдатами в глубь страны, чтобы привлечь на свою сторону туземное население. Франсиско использовал политику Кортеса. Грабеж был запрещен. Доминиканские монахи обращали индейцев в христианство. Поход превратился в крестовый, и у солдат появилось ощущение их божественного предназначения. Жажда золота не уменьшилась, но теперь она рядилась в мантию христовой истины. Индейских вождей, оказывавших сопротивление, сжигали живьем в назидание другим, и вскоре вся округа была покорена.

В июне он заложил поселение на реке Чира, примерно в 80 милях к югу от Тумбеса. Поселение строилось по обычному колониальному образцу: церковь, арсенал и здание суда. Однако, несмотря на то что в Сан-Мигеле существовало законно назначенное городское правление, Писарро воспользовался своими полномочиями, данными испанским правительством. Это дало ему возможность наделить каждого колониста землей, а поскольку индейцы привыкли к палочной дисциплине, которую насаждали их собственные правители, они не роптали. Все добытое золото и серебро испанцы переплавили в слитки, и Писарро сумел уговорить солдат отказаться от своей доли. Поэтому после вычета королевской доли, пятой части, он смог отправить сокровища на двух судах в Панаму, оплатив счета экспедиции.

Сокровища, разумеется, подтвердят рассказы капитанов о блестящих возможностях, открывающихся перед поселенцами в Новой Кастилии. Но Писарро не мог решить, стоит ли

ему ждать подкрепления или сразу выступить в поход. Три недели он размышлял, пока не обнаружил, что бездействие порождает недовольство. Писарро решил выступать. Тем более что Атауальпа покинул столицу инков Куско и был теперь в Кахамарке. Куско находился примерно в 1300 милях от Сан-Мигеля. До Кахамарки же было всего около 350 миль, на высоте 9 тысяч футов. Дорога, по сообщениям союзных индейцев, должна была занять не более 12 суток.

24 сентября 1532 года, примерно через шесть месяцев после своей первой высадки на побережье, Писарро выступил из маленького поселения. Отряд состоял из 110 пехотинцев (но лишь 20 из них были вооружены арбалетами или аркебузами) и 67 всадников. Это было жалкое войско, не способное противостоять инкам. Атауальпа, как сообщали, лечился на вулканических источниках Кахамарки (рана, полученная во время междоусобной войны против собственного брата, загноилась). Кроме того, он совершал объезд своих новых владений, добиваясь их полного подчинения. Его сопровождала армия, насчитывавшая, по некоторым оценкам, от сорока до пятидесяти тысяч воинов.

В ноябре 1532 года Франсиско Писарро принял очень смелое решение, определившее его дальнейшую судьбу. Главная королевская дорога инков между Кито и Куско пролегла через долины Анд, и Писарро узнал, что победивший Инка Атауальпа идет по ней на юг, чтобы быть коронованным в Куско.

Испанцы были потрясены устрашающим величием армии индейцев. Единственную свою надежду Писарро связывал с отчаянно дерзким планом – попытаться захватить врасплох многотысячную армию Инки. Войско Атауальпы пришло в движение к середине дня. Но его выходу предшествовал торжественный парад. Все индейцы несли на головах большие золотые и серебряные украшения, похожие на короны. Началось песнопение.

Лишь к концу дня передовые части этой пышной процессии вошли на центральную площадь Кахамарки. Атауальпу воины несли на носилках, покрытых серебром. На голове его красовалась золотая корона, на шее – ожерелье из больших изумрудов.

Писарро, спокойный и решительный, дал сигнал к бою. Артиллерист поднес фитиль к стволу пушки. Всадники и пешие солдаты под звуки боевых горнов вырвались из своих укрытий с криками. Среди индейцев началась паника, нападавшие испанцы косили их направо и налево. Инки были не вооружены, в начавшейся давке долго не могли прийти в себя, мешали друг другу, и конкистадоры своими остро отточенными пиками пустили реки крови.

Писарро был плохим наездником, поэтому дрался пешим, мечом и кинжалом. Пробившись сквозь толпу к носилкам Атауальпы, он схватил Инку за руку и попытался стащить его вниз. Подоспевшие всадники перевернули носилки, и Атауальпа был схвачен.

Резня продолжалась и в долине. Через два часа шесть или семь тысяч индейцев лежали мертвыми. Игрок Писарро сорвал банк. Захватив богоподобного Инку, он парализовал жизнь во всей империи.

Трагедия инков состояла в том, что их правитель не понимал того, что эти 160 чужеземных солдат были не просто разбойниками, а вестниками грядущего колониального вторжения. Он же считал их просто алчными искателями сокровищ. Подметив у своих тюремщиков неутолимую жадность золота, Атауальпа решил выкупить свою свободу. За нее он предложил заполнить камеру, где его содержали, золотом на высоту 10,5 испанской стопы (294 сантиметра). И еще дать двойное против золота количество серебра. И Атауальпа сдержал свое слово. Приказ верховного правителя, пусть даже и плененного, но для инков все равно остававшегося королем-Солнцем, исполнили беспрекословно. Комнату заполнили сказочно прекрасными золотыми изделиями. Многие из них представляли собой немалую художественную ценность, но для испанцев это был лишь дорогостоящий металл, и все было переплавлено в слитки. Пятая их часть была отправлена королю Испании, остальное разделили между собой конкистадоры, больше всего золота досталось, конечно, Писарро.

Но испанцы вероломно нарушили и этот договор. Атауальпа был казнен.

Испанские власти в Панаме осудили казнь: Атауальпа был все же монархом, и казнь его подрывала веру в божественное происхождение власти.

Итак, покорение Перу началось с захвата и казни его владыки, сражения последовали позже. Во время 800-мильного марша по Великой дороге инков от Кахамарки до Куско отряд Писарро провел четыре сражения против армии Атауальпы. Инки сражались храбро, и какое-то количество захватчиков были убиты. Но все же они не могли противостоять оружию и тактике испанцев.

15 ноября 1533 года Писарро вступил в столицу инков Куско.

Чтобы закрепить завоеванное, Писарро возвысил одного из уцелевших сыновей Уайна Капаки – Манко, он был коронован в начале 1534 года. Конкистадоры надеялись, что новый Инка станет марионеткой в их руках и окажет помощь испанцам в порабощении своего народа.

Сокровища Куско также были захвачены, переплавлены и распределены между завоевателями. Золота и серебра оказалось даже больше, чем от выкупа Атауальпы. Но Писарро совсем не имел опыта в управлении государством. Чтобы заставить испанцев остаться в этой далекой стране, он выделил каждому офицеру в награду тысячу индейцев. Писарро приказал священнику Суско защищать интересы индейцев, а также издал указ, предусматривающий для испанцев наказания за надругательство над аборигенами. Но это мало помогало, индейцы вымирали катастрофически быстро. Приходили в упадок ирригационное хозяйство и террасное земледелие инков.

Главную свою задачу Писарро видел в строительстве городов для испанцев. Он основал семь из них – и все семь сохранились до наших дней. Столицу решено было расположить на побережье для поддержания морских связей с остальной частью Испанской Америки. Город появился в 1535 году на берегу реки Римак и первоначально носил название Съодад-де-лос-Рейес – город королей. Однако сохранилось не столь претенциозное название, а искаженный топоним самой реки – Лима.

На склоне жизни Писарро занимался прокладкой улиц в городах, раздаривал дома своим друзьям. Индейцы выстроили и его личную резиденцию в испанском стиле, с патио – внутренним двориком, засаженным привезенными оливковыми и апельсиновыми деревьями.

Но спокойное время продолжалось недолго. Младшие братья Писарро и другие испанцы в Куско нарушили договор и оскорбили марионеточного правителя Манко. Взбешенный, он тайно мобилизовал свою армию и приготовил оружие. В апреле 1536 года Манко исчез из Куско и созвал своих вождей на встречу, где они поклялись изгнать ненавистных завоевателей из Перу. И уже в мае 190 испанцев в Куско оказались окруженными индейцами.

Восстание Манко продолжалось до декабря. Четыре экспедиции, посланные Писарро в поддержку своих братьев, потерпели поражение в горах, еще на подходах к Куско. Около 500 испанцев были убиты. И все-таки перуанцам не удалось освободить свою страну. Корабли с подкреплением прибыли из Центральной Америки, и блокада Куско была прорвана. Манко бежал в джунгли Амазонии, к священному городу Мачу-Пикчу, где и правил остатками своей империи вместе с тремя сыновьями в течение 35 лет.

Но еще большие трудности, чем с индейцами, испытал Писарро со своим старинным соратником и даже когда-то другом Диего де Альмагро. Тот всегда организовывал снабжение и пополнял людьми экспедиции Писарро. И был жестоко уязвлен тем, что король назначил его лишь губернатором Перу. Как только представился случай, Альмагро обвинил Писарро в присвоении всех званий. Схватки между испанцами не заставили себя долго ждать, причем они были не менее яростными, чем битвы с индейцами.

Междоусобицы закончились в Куско в 1538 году, когда Альмагро было нанесено поражение братом Писарро – Эрнандо. Неистовый и кровожадный Эрнандо казнил 120 человек, а

самого Альмагро убил как предателя. Но, вернувшись в Испанию, он был заключен в тюрьму за этот акт мести.

Казнь Альмагро повлекла за собой и более жестокое возмездие. Горстка его сторонников в Лиме испытывали горечь от поражения и нищеты. Они стали союзниками молодого сына Альмагро. Их объединяла ненависть к Писарро, и они решили убить его.

Воскресным утром 26 июля 1541 года, когда Писарро принимал в своем дворце гостей, в дом ворвались 20 человек с мечами, копьями, кинжалами и мушкетами. Гости разбежались, некоторые выпрыгивали прямо из окон. 63-летний Писарро дрался отчаянно, убил одного из нападавших, но силы были неравны, и вскоре он упал замертво от множества нанесенных ран.

Диего де Альмагро (около 1470–1538)

Испанский искатель приключений (конкистадор). Организовал две экспедиции к западному побережью Южной Америки в 1524–1526 годах; участник завоевания Перу (1533), возглавлял поход в Чили (1535–1536). Был одним из богатейших граждан новой колонии, основанной в Дарвене.

В 1519 году испанцы основали на берегу Тихого океана город Панаму и начали продвигаться вдоль побережья Южного моря. Упорные слухи о стране золота и сказочных сокровищ, лежащей где-то к юго-западу от Панамского перешейка, возбуждали у конкистадоров желание как можно скорее овладеть этой страной. Но испанцы, пытавшиеся проникнуть в глубь материка, сталкивались с огромными трудностями. Высокие горы, непроходимые болота, густые тропические леса создавали для завоевателей серьезные препятствия, к которым прибавлялось еще упорное сопротивление воинственных туземцев. Слухи о баснословных богатствах стран, омываемых Тихим океаном, доказал Франсиско Писарро, предприимчивый искатель приключений, сопровождавший Васко Нуньеса де Бальбоа в его плавании по Южному морю. Однако он не располагал никакими средствами, поэтому заключил союз с двумя другими авантюристами, которые согласились снарядить экспедицию на свои деньги. Одного из них звали Диего де Альмагро, другого – Эрнандо де Луке.

Участники предприятия быстро договорились между собой и разделили обязанности. Луке согласился предоставить большую часть денежных средств для снаряжения кораблей и выплаты жалованья солдатам; Альмагро, поставив на карту все свои сбережения, руководил подготовкой экспедиции; Писарро, владевший только шпагой, взял на себя непосредственное руководство открытиями и завоеваниями.

Четвертым, неофициальным компаньоном стал панамский наместник Педро Ариас д'Авила, которому была обещана четвертая доля будущей добычи за одно лишь обещание не чинить препятствий инициаторам экспедиции.

С трудом снарядив один корабль, в ноябре 1524 года Франсиско Писарро вышел из Панамского порта на поиски «Золотого царства».

Вскоре Диего де Альмагро, снарядив второй корабль, вышел из Панамы с семьюдесятью испанцами по следам своего компаньона, оставлявшего по пути условные знаки. Не застав его в Пуэрто-де-ла-Амбре, Альмагро двинулся дальше и достиг устья реки Сан-Хуан. Каждая высадка испанцев на берег сопровождалась ожесточенными стычками с индейцами. В одном сражении Альмагро лишился глаза. Разгромив и предав огню несколько селений, он решил повернуть обратно и, плывя вдоль берега, достиг Чикамы, где и нашел Франсиско Писарро с остатками его отряда.

Соединив свои силы, оба конкистадора стали обдумывать план новой экспедиции в Перу. Людей у них было мало, припасы иссякли, средства истощились. Конкистадорам не оставалось ничего другого, как вернуться в Панаму и просить о содействии жадного и упрямого д'Авилу. Встретив с его стороны решительный отказ, Писарро и Альмагро снова прибегли к помощи священника Луке; последнему удалось заинтересовать богатых купцов и чиновников и добыть необходимые средства. И тогда три компаньона заключили договор, согласно которому, каждому причиталась третья часть будущей добычи, причем ни один из них не имел понятия не только о величине и могуществе, но даже о местоположении «Золотого царства», которое они собирались завоевать.

Заключив этот договор, Писарро и Альмагро не без труда набрали отряд из ста шестидесяти человек и, закупив все необходимое, отправились на двух кораблях во второе плавание. Конкистадоры достигли без помех устья реки Сан-Хуан и поплыли вверх по течению. Они разорили несколько туземных деревень и захватили богатую добычу.

Однако индейцы здесь были более цивилизованными, чем в других, уже завоеванных испанцами областях. С малыми силами нечего было и думать о покорении этой густонаселенной страны. Необходимо было получить подкрепление. Эта задача была возложена на Альмагро, который тотчас же отправился обратно в Панаму с захваченным у индейцев золотом, чтобы заняться вербовкой добровольцев. Другой корабль Писарро отправил под командой опытного кормчего Бартоломе Руиса к югу, на разведку, а сам остался со своим отрядом в захваченной индейской деревне с намерением исследовать близлежащие местности.

Бартоломе Руис успешно выполнил свою задачу: избегая столкновений с индейцами, он продвинулся далеко на юг, почти до экватора. Перед изумленными испанцами открывались цветущая земля, хорошо возделанные поля, богатые селения.

Тем временем Альмагро нанял в Панаме еще восемьдесят добровольцев из числа вновь прибывших испанских колонистов и также присоединился с ними к Писарро. Экспедиция, теперь уже в полном составе, двинулась дальше на юг, вдоль узкой береговой полосы, окаймляющей горную цепь. Вскоре она достигла границы страны перуанских индейцев – инков. Однако начать завоевание этого обширного государства с такими ничтожными силами Писарро не решался, так как несколько столкновений с перуанцами кончились не в его пользу. Он остался на месте со своим отрядом, еще раз отправив Альмагро в Панаму за подкреплением.

Однако новый наместник, присланный в «Золотую Кастилию» после смерти д'Авилы, запретил Альмагро вербовать добровольцев для этого «безрассудного предприятия» и отправлять их «на верную погибель». Он не только не помог Альмагро, но направил корабль за Писарро и его спутниками. Писарро не подчинился и, поселившись на необитаемом острове, названном им Горгоной, вместе с двенадцатью спутниками терпеливо ожидал обещанной помощи от Альмагро и Луке.

Когда корабль, отправленный за ними, наконец прибыл на Горгону и капитан огласил приказ наместника вернуться назад, все тринадцать авантюристов, забыв о своих лишениях, стали уговаривать приехавших за ними матросов отправиться к берегам Перу за богатой добычей. Уговоры подействовали. Корабль направился в южном направлении вдоль берега нынеш-

него Эквадора, пересек залив Гуаякиль и достиг перуанского города Тумбеса. Конкистадоры открыли страну инков, полную золота и серебра. Но они не могли покорить могущественную страну своим маленьким отрядом, поэтому вынуждены были вернуться.

К тому времени неудачные экспедиции вконец разорили его компаньонов Альмагро и Луке. Писарро в 1528 году отправился в Испанию на аудиенцию к королю Карлу V. После долгих хлопот он получил от него в качестве поощрения за свои труды звание наместника, военачальника, должность главного судьи, дворянский герб и пожизненную пенсию. Писарро выговорил также награды и титулы для обоих своих компаньонов и для всех остальных участников экспедиции.

В начале 1530 года Писарро вернулся в Панаму, где сразу же столкнулся с новыми, неожиданными осложнениями и трудностями. Диего де Альмагро видел в нем теперь не союзника, а соперника. Если Эрнандо де Луке королевским указом назначался епископом Новой Кастилии, то для Альмагро Писарро выхлопотал только дворянское звание, денежную награду – жалкие пятьсот дукатов – и начальство над еще не существовавшей крепостью в Тумбесе. Альмагро, потративший значительно большую сумму на предварительные путешествия, считал себя обманутым и отказался участвовать в новой экспедиции. Сплотив вокруг себя недовольных и обиженных королевской подачкой, он обвинил Писарро в вероломстве и заявил о своем решении приступить к завоеваниям независимо от него.

Распавшийся было союз конкистадоров все же удалось восстановить благодаря посредничеству Луке и красноречию самого Писарро, давшего торжественное обещание уступить своему компаньону должность аделантадо – губернатора.

Однако средства Писарро, Альмагро и Луке были так ограничены, что они снарядили только три небольших корабля и на вербовали всего лишь сто восемьдесят солдат. Правда, среди них были тридцать шесть всадников. В январе 1531 года Писарро в сопровождении четырех сводных братьев отправился в свое последнее плавание к берегам Перу, в то время как Альмагро остался в Панаме, чтобы подготовить вместе с Луке вспомогательную экспедицию.

Писарро успешно завоевывал страну инков. Альмагро с большим трудом снарядил экспедицию. В феврале 1533 года он привел в Кахамарку сто пятьдесят пехотинцев и пятьдесят всадников. Но прибыл он слишком поздно, и помощь его была уже не нужна. Тем не менее по условиям договора он имел право на третью часть добычи. Писарро уговорил его взять меньшую долю и решил начать дележ награбленных богатств.

Между тем в Перу стремились толпы авантюристов. На перуанском побережье высадился с крупными силами губернатор Гватемалы Педро де Альварадо. Он надеялся первым дойти до Кито, а уж потом отстаивать права владельца. Узнав об этом десанте, Писарро послал на спорную территорию Диего де Альмагро. Конкистадор отправился в поход с теми незначительными силами, которые были в его распоряжении.

Оба отряда изготовились к бою. Но сражение не состоялось – в Кито не оказалось никаких сокровищ. Альмагро понял, что сражаться, по сути дела, не из-за чего. Вступив в переговоры с Альварадо, он заключил с ним сделку. Губернатор Гватемалы согласился за сто тысяч песо отказаться от своих притязаний и уступить Писарро весь свой флот и все военное снаряжение. После этого Альмагро вошел со своим отрядом в Кито и отправил к Писарро гонцов с донесением о новой блистательной победе.

Пока в Перу происходили эти события, Эрнандо Писарро прибыл в Испанию с богатым грузом награбленных сокровищ, которые обеспечили ему при дворе превосходный прием. Эрнандо добился для своего брата Франсиско расширения наместнических прав и привилегий, а также ему был присвоен титул маркиза. Отныне Франсиско Писарро – маркиз де Альтавильяс – приобщался к придворной знати, Эрнандо Писарро получил рыцарское звание. Что касается Альмагро, то он был утвержден в должности аделантадо; его владения простирались на двести испанских миль (больше тысячи километров) без обозначения границ подвластной

ему территории, что открывало широкий простор для всевозможных недоразумений и произвольных толкований. Альмагро никогда не мог простить своему компаньону ни его лукавства, выказанного в переговорах с Карлом V, ни той развязности, с какой он присвоил себе в ущерб союзникам большую часть власти. Но сила была не на его стороне, и до поры до времени он скрыл свое недовольство и досаду.

Договорились, что Альмагро отправится открывать новые страны на юге, и если найдет что-нибудь хорошее, то для него будет испрошено наместничество у его величества короля; если же ничего не найдет, то Писарро разделит с ним свои владения.

После этого Альмагро занялся приготовлениями к новому походу. 3 июля 1535 года во главе отряда, состоящего из 500–700 испанцев и 15 тысяч индейцев, он выступил из Куско по направлению к Чили. В пограничном районе испанцы перехватили груз золота, которое покоренные южные племена послали инкам. Дележ добычи, конечно, только усилил их жажду золота.

Альмагро дошел до 30° ю. ш., но ни золота, ни сокровищ в этом краю не оказалось. В сентябре 1536 года ему пришлось повернуть обратно.

Альмагро вернулся в Перу, когда часть страны охватило восстание, поднятое Манко Капаком. Индейцы полгода осаждали столицу страны Куско, где заперлись с горсткой людей Эрнандо и Гонсало Писарро; третий брат, Хуан, был убит во время вылазки. Перуанцы были уже близки к тому, чтобы взять город штурмом, когда у стен Куско неожиданно появился со своим отрядом Диего де Альмагро. Он разбил наголову войска Манко и снял осаду с Куско.

Сославшись на то, что этот город не подвластен Писарро, Альмагро ввел в него своих солдат. Перевес в силах был на его стороне, и братьям Писарро пришлось сложить оружие. 8 апреля 1537 года Альмагро взял под арест Эрнандо и Гонсало Писарро и объявил себя законным губернатором перуанской столицы.

В это же самое время значительный отряд перуанцев осаждал новую столицу – Лиму, где находился Франсиско Писарро. Все свои корабли он отправил за подкреплениями в Панаму и послал гонцов в недавно построенную крепость Трухильо, где во главе большого гарнизона находился Алонсо де Альварадо. Писарро приказал ему немедленно отправиться в Куско на выручку Эрнандо и Гонсало. Приблизившись к городу, Альварадо с удивлением узнал, что осада с Куско снята и он снова находится в руках испанцев. Не успел Альварадо опомниться, как Альмагро устроил засаду и взял в плен весь его отряд.

Теперь силы Альмагро удвоились, так как к нему охотно присоединились почти все солдаты Альварадо. После этого Альмагро оставалось только двинуться на Лиму, чтобы раз и навсегда покончить с Франсиско Писарро и объединить под своей властью оба губернаторства. Но Альмагро, видимо, испугался далеко идущих последствий своего бунта против «великого маркиза». Так или иначе, вместо того чтобы выступить в поход, он остался в Куско и начал с Писарро переговоры, продолжавшиеся несколько месяцев. Тем временем Гонсало Писарро и Альварадо удалось подкупить стражу и бежать. Едва только последний из его братьев получил свободу, как Писарро, отбросив всякую мысль о мире или перемирии, объявил, что только оружие решит, кто из них – он или Альмагро – будет хозяином в Перу. В короткое время он собрал семьсот человек, начальство над которыми поручил двум своим братьям.

26 апреля 1538 года произошла решающая битва. В этом сражении пали с той и другой стороны сто сорок испанцев. Братья Писарро снова вошли в Куско и тотчас же захватили престарелого, больного Альмагро. Победенный соперник «великого маркиза» был предан суду и приговорен к смертной казни.

8 июля 1538 года Альмагро задушили в тюрьме, а затем публично обезглавили его труп.

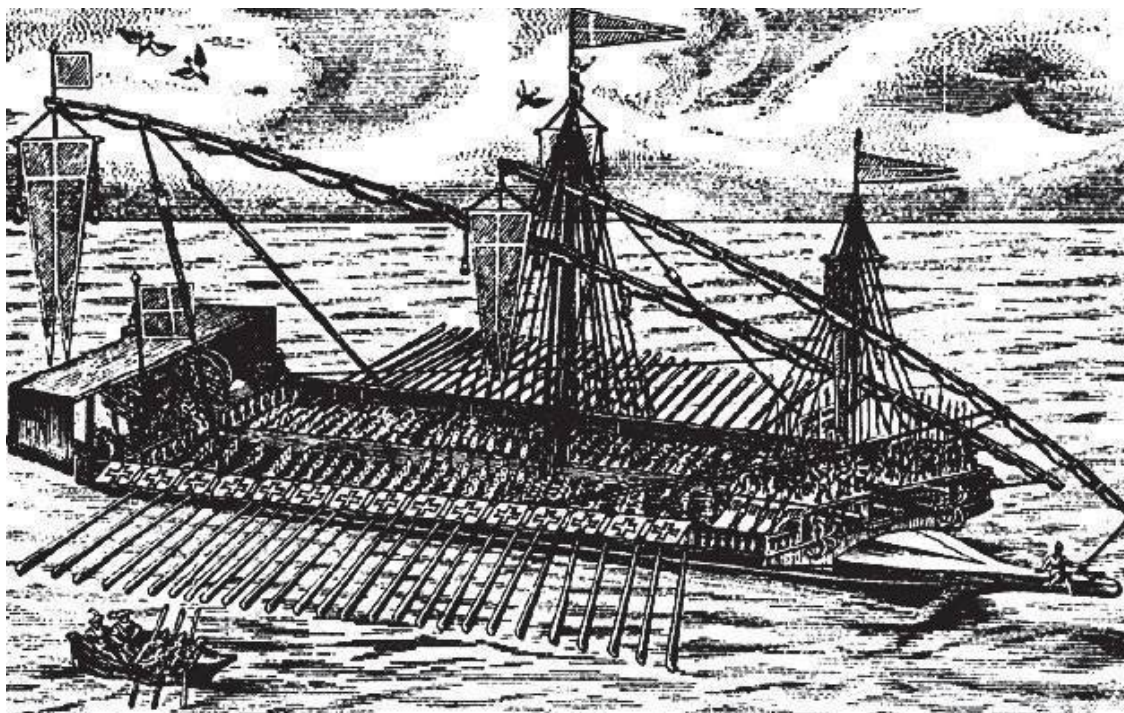
Приверженцы казненного Альмагро, пылая жаждой мести, сплотились вокруг его сына Диего и решили покончить с Франсиско Писарро.

26 июня 1541 года Писарро был убит заговорщиками.

Арудж Барбаросса (1473 или 1474–1518)

Турецкий мореплаватель, средиземноморский пират. Родился на острове Матилини (Лесбос). Устранив Селима ат-Туми, стал правителем Алжира под именем Барбароссы. Захватил город Тлемсен (1517) и низложил правящую династию, однако вынужден был бежать из города в Марокко, после того как сильная испанская экспедиция осадила город. В мае 1518 года Барбаросса погиб в бою с испанцами.

Историкам довольно подробно известна родословная братьев-разбойников Барбаросса. Оба они были греками, сыновьями гончара Якоба Рейса, переселившегося в свое время с Балкан на остров Лесбос. Когда в середине XV века остров захватили турки, Рейс с семьей перешел в ислам. У Якоба имелось небольшое судно, на котором он перевозил свои гончарные изделия; на нем позднее, когда подросли, сыновья стали пробавляться морским разбоем. Но размах был, что называется, не тот, и вскоре Арудж примкнул к турецким корсарам. Уже в 20 лет он отличался храбростью и беспощадностью в сражениях. Однако в одном из них Аруджа захватили в плен рыцари-иоанниты. Его сослали на остров Родос.

Арудж стойко выдерживал каторжный труд галерного раба, а тем временем его брат Ацор, будущий Хайрадин, в одиночку грабил христианские суда и собирал деньги, необходимые для выкупа Аруджа. Денег требовалось немало, и прошло несколько лет, прежде чем Арудж вновь оказался на свободе.

Он снова стал пиратом. Но, не удовлетворившись ролью рядового пирата, Арудж взбунтовал команду и захватил корабль, стал предводителем. Он сплотил вокруг себя мелкие пиратские флотилии и вскоре стал серьезно угрожать судам христианских государств. Дело дошло до того, что в 1504 году Арудж не побоялся захватить две галеры самого папы римского.

Эта победа еще более прославила имя Аруджа, но сам пират понимал, что без покровительства какого-либо владельца его разбойные действия рано или поздно будут подавлены христианскими войсками. Поэтому после недолгого раздумья он обратился за помощью к эмиру Туниса. Само собой разумеется, эта помощь не могла быть оказана бесплатно, и после переговоров обе стороны пришли к компромиссу. Эмир отдавал во владение пиратов остров Джербу, за что получал двадцать процентов от пиратской добычи – сумму немалую, учитывая то обстоятельство, что удача не покидала Аруджа, из каждого грабительского похода он возвращался с богатыми трофеями.

Получив в распоряжение Джербу, Арудж расширил территорию своих действий, а главное, стал грабить не только корабли в море, но и портовые города Франции, Италии, Испании. Особенно доставалось последней, поскольку Арудж расценивал разорение испанских городов как месть испанцам за изгнание арабов с Пиренейского полуострова.

Такое положение вещей в конце концов побудило арагонского короля Фердинанда начать ответные действия против пиратов. Испанские экспедиционные войска захватили главные опорные пункты берберских пиратов, такие, как Алжир, Бужи, Оран. Города эти были разграблены и сожжены, а их жители обложены большой данью. Кроме того, чтобы преградить пиратским кораблям доступ к Алжиру с моря, испанцы построили мощную систему фортов на острове Пеньон, которая долгое время перечеркивала всякое желание пиратов вернуть себе Алжир.

Победа испанских войск подорвала авторитет Аруджа и подвигла его на необдуманные поступки. Так, в горячке он решил напасть на Бужи и одновременно – на испанский флот. То и другое кончилось для него полным провалом, и Аруджу пришлось смириться с пребыванием испанцев в Северной Африке. Он снова сосредоточил все свои усилия на грабежах судов в море.

Тем временем в 1516 году умер король Фердинанд, и этим тотчас воспользовалось население Алжира, которое подняло восстание против оккупационных войск. Его возглавил араб Салим, пригласивший к себе на помощь Аруджа с его пиратами. Алжир был атакован с моря и с суши и после ожесточенной борьбы взят. Оставшиеся в живых испанцы отошли к острову Пеньон, под защиту его фортов.

Таким образом, Алжир вновь перешел к арабам, и Салим провозгласил себя его эмиром. Но этот факт ни в коей мере не устраивал честолюбивого Аруджа. Ему и его пиратам принадлежала честь отвоевания Алжира у «неверных», и пиратский предводитель не собирался терпеть на эмирском троне никому не известного до сей поры Салима. А потому в один прекрасный день Арудж отправился во дворец нового эмира. Он застал его купающимся в бассейне и, не долго думая, задушил. Покончив с соперником, Арудж провозгласил себя правителем Алжира и присвоил себе титул – султан Барбаросса. Но, поскольку этим же именем стал называться и брат Аруджа Ацор, то историки во избежание путаницы присвоили братьям порядковые номера – Арудж стал Барбароссой I, Ацор – Барбароссой II.

Итак, султан Арудж стал одним из богатейших людей Североафриканского побережья. Казалось бы, есть все основания укрепить свое влияние и возглавить борьбу против испанцев, под властью которых оставались некоторые арабские города.

Но случилось обратное. Арудж показал себя в Алжире не мудрым правителем, а жестоким тираном, чем вызвал недовольство жителей, которое вскоре переросло в восстание и осложнилось новой военной экспедицией испанцев. Их предводитель, маркиз де Комарес, захватил город, и Аруджу пришлось бежать. Легенда утверждает, что на всем пути отступления Арудж, дабы задержать преследователей, разбрасывал серебро и золото. Но это не помогло, и Арудж погиб вместе с верными ему пиратами.

Так, в мае 1518 года, на 36-м году от роду, после 14 лет бродячей жизни и двадцатимесячного царствования, погиб человек, имя которого на протяжении долгого времени наводило

ужас на прибрежные города Средиземного моря. Узнав об этом, христианская Европа вздохнула свободно.

Хайраддин Барбаросса (1468–1546)

Турецкий мореплаватель, могущественный средиземноморский пират, подчинивший своей власти почти все побережье Алжира. Унаследовав после гибели старшего брата крупную пиратскую флотилию в несколько тысяч человек, провозгласил себя Барбароссой и признал верховную власть Османской империи. Турецкий султан Селим I назначил его главнокомандующим всего флота и бейлербеем («эмиром эмиров») Африки.

После гибели брата Ацор занял его место. Позже ему дали другое имя – Хайраддин, что означает «хранитель верующих».

Ему досталась крупная пиратская флотилия, в состав которой входили несколько тысяч человек, а кроме того, как преемник родного брата, пусть и недолго, но восседавшего на троне, он претендовал на власть над Алжиром.

Однако Хайраддин был слишком умен, чтобы не понимать шаткость своего положения. В отличие от брата он сознавал силу испанцев и не рассчитывал справиться с ними самостоятельно. В то время в Средиземноморье на политической сцене господствовала Испания, королем которой под именем Карлоса I был император Священной Римской империи Карл V Габсбург. Его поддерживали сильные в морском отношении итальянские города-республики, такие, как Генуя и Венеция, а противостояла османская Турция, союзником которой стала Франция, желавшая завладеть Италией.

Само собой разумеется, что мусульманин Хайрадин не мог опираться на какую-либо христианскую страну. Он мечтал стать властелином Алжира и – при благоприятном стечении обстоятельств – Туниса, но осуществить эти мечты одному было явно не по силам.

Взвесив свои возможности, Хайрадин принял решение и в 1518 году отправил своих посланцев в Константинополь. Они передали турецкому султану желание Хайрадина стать вассалом Высокой Порты, за что султан должен был помогать пирату в осуществлении его планов.

Султан согласился. Предложение Хайрадина было ему выгодно: Турция только что завоевала Балканы и была не прочь распространить свою власть и на Северную Африку. Не долго думая, султан присвоил новому вассалу титул паши и отрядил ему в помощь несколько тысяч янычар, солдат своей гвардии. А кроме того, султан не имел ничего против притязаний пирата на Алжир.

Ободренный такой поддержкой, Хайрадин приступил к осуществлению своих намерений. Возвратить Алжир было невозможно, ибо путь туда преграждал испанский гарнизон на острове Пенъон, отбивавший всякие попытки захватить его.

Роль Пенъона отлично понимали в Испании, поэтому в 1519 году Карл V направил на помощь острову целый флот из пятидесяти кораблей под командованием вице-короля Сицилии, но обстоятельства повернулись против испанцев. Буря выбросила на берег половину испанских кораблей. Погибли четыре тысячи человек, а дальнейший разгром эскадры довершили пираты Хайрадина. Однако гарнизон острова, насчитывавший всего пятьсот человек, еще десять лет защищал свои позиции от превосходящих сил арабов и турок.

Но в конце концов в мае 1529 года пал и Пенъон. Чтобы навсегда избавиться от угрозы со стороны острова, Хайрадин пригнал на него тысячи христианских невольников, которые в течение двух лет возводили огромный каменный мол, соединивший остров с материком. Так Пенъон стал полуостровом, а порт Алжира – главной базой берберских пиратов.

Достигнув вершины власти, став правителем Алжира, Хайрадин тем не менее не забывал и о другой своей цели – овладеть Тунисом. Однако прошло пятнадцать лет, прежде чем ему удалось исполнить задуманное.

В августе 1534 года, побывав предварительно в Константинополе у султана Сулеймана Великолепного, он во главе большого флота появился у берегов Италии. Хайрадин захватил и разграбил города Реджо, Санта-Лусию и Фонди, пираты взяли в плен большое количество жителей, которых незамедлительно продали в рабство. Обогатившись, Хайрадин повернул свои корабли на юг и в середине августа оказался недалеко от Туниса, точнее, в виду небольшого, хорошо укрепленного городка Гулетты, прикрывавшего морские подходы к метрополии.

Захват Гулетты сильно напоминал захват Пенъона – бомбардировка стен корабельными орудиями, а затем штурм и расправа с защитниками. Эта акция предопределила падение Туниса. Хайрадин стал полновластным хозяином страны.

Перемена власти очень обеспокоила Карла V. Владея Тунисом, Хайрадин представлял большую угрозу для Сицилии и Неаполитанского королевства, находившихся под эгидой Испании; помимо этого, Карла V страшила и возможность заключения союза между берберскими пиратами и французским королем Франциском I, который мечтал подчинить Италию своему влиянию. Этого нельзя было допустить, и король испанский стал собирать силы, чтобы вернуть Тунис под покровительство императорской короны.

В подготовке нападения на Тунис приняла участие целая коалиция европейских государств. Помимо Испании, солдат и корабли для их перевозки предоставили Португалия, Италия, Германия, Мальта и Франция.

16 июня 1535 года объединенные силы подошли к Тунису, а на другой день началась высадка десанта. Как и при захвате Туниса Хайрадином год назад, на пути наступавших вновь оказалась Гулетта. Ее осада началась в двадцатых числах июня, но только в середине следующего месяца осаждающие решились на штурм. При поддержке артиллерии с сухопутных и морских батарей армия, разделенная на три корпуса, устремила в брешь, пробитую ядрами к полудню 15 июля.

Защитники Гулетты продержались недолго, после чего Хайрадин с уцелевшими янычарами отступил непосредственно в Тунис.

В отличие от Гулетты Тунис не мог пожаловаться на малочисленность своего войска. В самом городе и вне его стен собрались более ста тысяч человек. Правда, профессиональных солдат среди такого количества людей было немного, и только этим объясняется тот факт, что двадцатидвухтысячная армия Карла V, пошедшая 20 июля на приступ Туниса, достигла быстрых результатов. Хайрадину пришлось отступить.

Три дня и три ночи в захваченном городе продолжались грабежи и убийства, в результате которых, по свидетельству хроник, в Тунисе погибли более семидесяти тысяч человек.

Первого августа 1535 года испанский вассал Мулай Хасан был восстановлен на тунисском троне, Хайрадин же направил свои стопы в родной и давно обжитый Алжир. Там, придя в себя и пополнив свои силы, он подготовился к новым набегам и вскоре, неожиданно напав, опустошил остров Менорку, где захватил шесть тысяч пленных. Онигодились Хайрадину, когда он в октябре этого же года отправился к турецкому султану.

Сулейман Великолепный весьма обрадовался подарку – за шесть тысяч рабов на константинопольском рынке можно было получить баснословные деньги – и назначил Хайрадина командующим всем турецким флотом и одновременно бейлербеем Африки. С этого дня все беи африканских государств должны были неукоснительно подчиняться одному человеку – Хайрадину.

Потерпевший поражение в Тунисе, Хайрадин быстро наращивал мощь в Алжире. Его внезапные набеги буквально терроризировали острова и города Средиземноморья. Так, во Франции, то есть во владениях своего союзника, короля Франциска I, он пытался разорить Ниццу, и только мальтийские рыцари, несшие там гарнизонную службу, спасли город. Однако, возвращаясь из Франции в Алжир, Хайрадин опустошил Эльбу и Липарские острова. В Алжир была привезена огромная добыча – семь тысяч пленников-христиан. Затем настала очередь Бизерты и острова Корфу.

Алжирский пират был постоянной головной болью всех европейских государей, и в 1538 году они послали против него мощный флот, состоявший из двухсот кораблей. Командовал им Адреа Дориа. Помимо кораблей, у него в подчинении были шестидесятитысячная армия и две с половиной тысячи орудий. Сила, что и говорить, внушительная, но у Хайрадина людей и кораблей имелось вдвое больше!

В конце сентября 1538 года оба флота встретились в заливе Превеза. Был штиль, и корабли стояли в бездействии, но вскоре подул ветер. Он дул в спину пиратам Хайрадина и в лицо христианскому воинству, и это обстоятельство решило исход битвы. Генуэзец потерпел полное поражение.

Лишь через три года Карл V решился на реванш. На этот раз его флот был еще больше и насчитывал более пятисот кораблей, а командовал им снова Дориа. В составе армии было пятьсот мальтийских рыцарей, которые считались лучшими воинами того времени.

18 октября 1541 года флот вышел из Майорки и через два дня занял позиции на подступах к Алжиру. Карл V, находившийся на флагманском корабле, посоветовавшись с герцогом Альбой, который командовал армией, послал к коменданту Алжира парламентаров с требованием сдаться. Естественно, алжирцы не пошли на это, и 23 октября, выбрав удобное место восточнее города, испанцы начали высадку десанта. Всего высадились двадцать пять тысяч человек.

Вероятно, испанцы одержали бы победу, но в дело опять вмешался случай: вечером 23 октября поднялся сильный северо-восточный ветер, сопровождаемый ливнем. Ночью он перешел в ураган, который разметал солдатские палатки, сорвал с якоря несколько десятков кораблей и бросил их на прибрежные скалы. В довершение всего на рассвете 24-го алжирцы совершили вылазку и, пользуясь паникой, царившей в испанском войске, устроили настоящую резню. Дело дошло до того, что сам Карл V, обнажив шпагу, встал во главе растерянных солдат и повел их в контратаку.

Буря между тем продолжалась, и с якорей срывались все новые корабли. Скоро их число перевалило за сорок, весь алжирский берег был завален их обломками. Гибли люди, боевые припасы и продовольствие. Это была катастрофа, и, видя ее, Карл V приказал отступить.

Так закончилась крупнейшая попытка европейских государств расправиться с пиратами Хайрадина. После этого поражения Карл V и его преемники в течение тридцати лет не могли собрать силы для новой борьбы.

Шли годы. Хайраддин старел. Ему было уже далеко за семьдесят, когда он решил наконец-то уйти на покой. Остаток жизни он провел в Константинополе. Хайраддин построил в живописном месте Константинополя, над Босфором, роскошный дворец. Как истинный правоверный, старый пират не забыл и Аллаха – неподалеку от дворца были воздвигнуты мечеть необыкновенной красоты и мавзолей. В нем Хайрадина и похоронили (4 июля 1546 года он умер в своем дворце), и с тех пор на протяжении многих лет все турецкие корабли, выходившие из бухты Золотой Рог, салютовали мавзолею, а команды возносили благодарственные молитвы в честь выдающегося турецкого флотоводца, каким Хайраддин считается и по сей день.

Грейс О'Мейл (1530–1603)

Дочь предводителя одного из ирландских кланов Оуэна О'Мейла. Знаменитая пиратка.

Грейс О'Мейл родилась около 1530 года. После смерти отца главой клана был провозглашен ее младший брат Адульф, однако Грейс заявила свои права и во время поединка убила брата. Она укрепила родовой замок и продолжила дело отца: заметив торговый корабль, немедленно окружала его своими легкими баркасами, наполненными отчаянными головорезами, и брала на abordаж.

Во время атаки она всегда была впереди. Уже один вид ее, высокой, разъяренной, с развевающимися волосами, приводил обороняющихся в трепет. Захватив добычу, они перегружали награбленное на свои суда, а корабль и команду пускали на дно.

Старейшины клана выдали Грейс О'Мейл замуж за Доннела Икотлина, главу клана О'Флагерти. Муженек Грейс, известный пират и беспринципный наемник, был убит в 1553 году во время очередного налета на купеческие корабли. Согласно его завещанию, все руководство кланом, его армией и флотом перешло к молодой вдове.

В течение нескольких десятилетий Грейс О'Мейл оставалась на этом посту. Слава ее была так велика, что под ее знамя стекались авантюристы не только со всей Ирландии, но и из Англии, Шотландии и Уэльса. Было время, когда под ее командованием находилось до тридцати галер – сила, с которой приходилось считаться любому правительственному флоту. Подати, которыми Грейс самовольно обложила жителей прибрежных городов, уплачивались исправней, чем королевские налоги, – до Лондона далеко, а головорезы Грейс могли нагрянуть в любой день. Они боготворили свою повелительницу и были готовы выполнить любой ее приказ. Многие добивались руки О'Мейл, хотя было ясно, что «король» будет играть при ней второстепенную роль. Так оно и случилось. Мужем Грейс стал известный предводитель береговых пиратов Южной Ирландии Ричард Берк по прозвищу Железный Ричард, человек недюжинного ума, бесстрашный и волевой. Но не успел закончиться медовый месяц, как ее люди заняли замки Берка и О'Мейл расторгла ставший теперь не нужным брак.

Потом Грейс влюбилась в одного из своих пленников, и элегантный кастилец несколько лет участвовал во всех ее походах.

Купцы – владельцы судов, которым приходилось пересекать воды, подвластные Грейс, буквально «волками были» от ее поборов. Их бесчисленные жалобы побудили власти принять действенные меры по охране судоходства в этом районе.

Именно усиление правительственных войск и флота на побережье Ирландии вынудило Грейс отправиться на поклон к королеве.

В 1576 году в устье Темзы вошли три большие галеры. Первой на берег сошла высокая, с величественной осанкой женщина, ярко-рыжие волосы которой были перевязаны широкой белой лентой. Появление Грейс О'Мейл в королевском дворце произвело сенсацию.

В одном конце огромного зала сидела на троне представительница династии Тюдоров, роскошно одетая, увешанная бриллиантами, в другом – стояла королева ирландских вод, весь наряд которой состоял из нескольких метров желтого холста, обмотанного вокруг тела, да куса черной парусины вокруг талии. Обута Грейс была в обычные морские сапоги. Когда шталмейстер подал знак подойти поближе, она решительными шагами пересекла зал, схватила протянутые ей для поцелуя хрупкие пальцы королевы и принялась энергично трясти. С трудом высвободив руку, Елизавета широко раскрытыми глазами смотрела на необычную гостью. Удивление сменилось весельем, когда Грейс с деловым видом тут же уселась рядом, не дожидаясь, пока ее пригласят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.